

Игорь Орлав

ЖЕНИХ НА ВРЕМЯ ОТПУСКА

— Современный любовный роман —

Игорь Орлав

Жених на время отпуска

«Автор»

2026

Орлав И.

Жених на время отпуска / И. Орлав — «Автор», 2026

Ольга привыкла отвечать «всё хорошо» раньше, чем её успеют пожалеть. Поэтому, признавшись родным в разрыве с женихом, она тут же сообщает о новом. Теперь впереди две недели у моря, свадьба младшей сестры и знакомство семьи с мужчиной, которого пока не существует. Актёр Артём Соколов готов помочь. За оговорённый гонорар он будет внимательным женихом, выдержит семейные завтраки и запомнит историю знакомства. Две отдельные спальни, личное время, никаких обязательных поцелуев — Ольга предусмотрела почти всё. Кроме того, что наедине Артём окажется интереснее своей роли. Что ей захочется смеяться без свидетелей и держать его за руку без причины. И что однажды придётся понять: как попросить человека остаться, не превращая собственное желание в ещё один пункт договора?

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Уже не Денис	6
Глава 2. Соискатель на счастье	11
Глава 3. Мелкий шрифт	17
Глава 4. Как мы познакомились	23
Глава 5. В пути	28
Глава 6. Почти как настоящие	34
Глава 7. Прогулка по чужому плану	39
Глава 8. Что умеет человек	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Орлав

Жених на время отпуска

Игорь Орлав

Жених на время отпуска

Современный любовный роман

Все персонажи и события вымышлены.

Оглавление

Глава 1. Уже не Денис 3

Глава 2. Соискатель на счастье 9

Глава 3. Мелкий шрифт 17

Глава 4. Как мы познакомились 25

Глава 5. В пути 32

Глава 6. Почти как настоящие 40

Глава 7. Прогулка по чужому плану 47

Глава 8. Что умеет человек 54

Глава 9. Без публики 62

Глава 10. Семейный альбом 69

Глава 11. Не по расписанию 76

Глава 12. Первый настоящий 83

Глава 13. После репетиции 91

Глава 14. Цена красивой истории 98

Глава 15. День без сценария 105

Глава 16. Время, которое нельзя купить 112

Глава 17. Ещё один пункт 120

Глава 18. Самая удобная версия 126

Глава 19. Сначала сестре 133

Глава 20. Без легенды 141

Глава 21. Остаться по приглашению 149

Глава 22. Репетиция без жениха 156

Глава 23. Чужая свадьба, свои слова 163

Глава 24. Утро отъезда 170

Глава 25. Первое свидание после последнего 177

Глава 26. Ничего не выиграно навсегда 185

Глава 27. Свой вечер 192

Глава 28. Когда смешить не нужно 199

Глава 29. Место рядом 206

Глава 30. Никакого договора 212

Эпилог. Настоящий отпуск 217

Глава 1. Уже не Денис

На семейный видеозвонок я вошла с вилкой в руке. На вилке висел холодный макарон, который за время обсуждения свадебной рассадки успел прилипнуть намертво.

— Дениса посадим рядом с Виктором, — сказала мама. — Они хотя бы смогут нормально поговорить.

— А остальные ненормально? — спросил папа из-за края экрана.

— Я в том смысле, что у вас интересы общие.

Папа появился целиком. На нём была рубашка, которую мама покупала специально для торжественных звонков. Они сидели на дачной кухне. Позади, на подоконнике, стояла рассада базилика в коробках из-под творога, и от этого вид кухни был гораздо наряднее, чем от рубашки.

На второй половине экрана Маша пыталась передвинуть бумажную полоску с именем, но Кирилл положил на неё локоть.

— Тогда Денис напротив тебя, Оль, — сказала сестра. — Вам не обязательно весь вечер держаться за руки. Ты же не обидишься?

— Нет.

С этим затруднений не предвиделось. Три месяца мы с Денисом не держались за руки, не ужинали и не встречались в прихожей. Раз в две недели он писал про коробку своих книг, а я отвечала про внешний диск с семейными фотографиями. Обмену препятствовали исключительно мы сами.

— Хорошо. И ещё я хотела спросить, он уже выбрал билет?

Вот теперь следовало сказать.

Я сняла макароны с вилки пальцами и положила на тарелку. Можно было не рассказывать, пока всё происходило далеко от меня, в чате про цвет салфеток и музыку. Но за десять дней до поездки у отсутствующего Дениса появились место за столом и билет, который кто-то собирался проверить.

— Мы с Денисом расстались.

В комнате у Маши продолжал гудеть вентилятор. Я увидела, как сестра опустила полоску с его именем прямо в чашку.

— Что?

— Расстались. Он не поедет.

Мама наклонилась к камере.

— Когда?

— Три месяца назад.

У папы со стола соскользнула газета. Он поймал её коленями и почему-то так и остался сидеть, не разгибаясь. Маша вытащила бумажку из чая. Кирилл убрал локти и притих.

— Оленька, — сказала мама.

Не «Ольга», когда я забывала перезвонить, и не «Оля», когда всё было в порядке. Именно так она называла меня в восемь лет, когда я сломала руку. Я тогда заплакала только после этого слова.

— Всё нормально.

— Как же нормально? Три месяца... Мы бы приехали.

— Не надо было приезжать.

— Почему ты мне не сказала? — спросила Маша.

От неё я ждала удивления, расспросов, даже злости. Но она смотрела без всякой готовой реакции, просто ждала ответа. Я отвернулась к окну.

— У вас было предложение. Потом ресторан, даты. Я не хотела...

— Что ты не хотела?

— Отвлекать.

— Оль, я не руководитель экспедиции. Мне можно было сообщить.

Мама заговорила одновременно с ней:

— Он опять про свой переезд? Я знала, что нельзя соглашаться на эту неопределённость. Ты бы сейчас оказалась там одна, без работы...

— Мам, я здесь. И работу не бросала.

— Я вижу, что здесь. Но нельзя всё держать в себе. Надо было хотя бы сказать. Мы с папой думали, у тебя всё устроено.

Я посмотрела на остывший обед, на открытый ноутбук рядом, на собственное отражение в маленьком окошке. Аккуратная блузка, волосы заколоты, за плечом ровная стена. Всё, по чему можно было определить, что жизнь устроена, находилось в кадре.

Папа наконец поднял газету и отложил её.

— Может, мы сейчас не будем выяснять? Оля сама расскажет.

— Конечно, не будем, — согласилась мама. — Я просто хочу понять, почему мой ребёнок один с этим сидит. Ты бы к нам перебралась на несколько дней. Или мы к тебе. В отпуске уж точно отдохнёшь, там все свои, никто ничего спрашивать не станет.

Последнее прозвучало особенно неправдоподобно после пяти вопросов подряд. Я знала, что она хотела помочь. Уже видела, как мне положат добавку, пододвинут стул в тень и перестанут при мне обсуждать Машино платье. Как родственницы начнут громче смеяться над моими репликами, чтобы показать: я ещё ничего. Как мама выйдет со мной вечером к морю и скажет, что тридцать два — совсем не поздно.

— Я не одна, — сказала я.

Маша подняла глаза.

На этом ещё можно было остановиться. У меня были друзья, коллеги, родители, сестра. Замечательная, правдивая мысль, которую я могла развить.

— У меня есть человек.

— Уже? — выдохнула мама и сразу поправилась: — То есть это очень хорошо. Если он хороший.

— Он хороший.

Я всё ещё не знала, про кого говорила. От этой пустоты у меня заложило уши. Мама ждала, Маша ждала, даже Кирилл перестал делать вид, что изучает стол.

— Мы помолвлены, — добавила я.

Это вышло отчётливо и деловым тоном, каким я сообщала клиентам срок поставки. Только у поставки обычно существовал склад.

— Оля! — Маша вдруг улыбнулась. — Ты вообще собиралась нам когда-нибудь рассказать?

— Собиралась.

— А кольцо покажи.

— У нас без кольца.

— Бывает, — немедленно сказала мама. — Сейчас по-разному делают.

Облегчение изменило её лицо быстрее, чем я успела пожалеть о сказанном. Она выпрямилась, поправила воротник папиной рубашки. Я не помнила, чтобы мой разрыв когда-нибудь причинял мне такую острую боль, как эта её мгновенная радость.

— Как зовут? — спросил папа.

— Я вам всё пришлю.

— Да хотя бы имя.

В дверях кабинета появилась Лена с телефоном у уха. Увидев меня, она показала на экран и одними губами произнесла фамилию клиента. Я никогда не была так счастлива видеть неприятности с поставкой.

— У меня работа. Мам, Маш, вечером поговорим. Я всё пришло.

— Оль, тогда данные его до завтра, ладно? — быстро сказала Маша. — Для списка в «Тихий двор» и для свадебного ужина. Я поменяю Дениса. И ничего не думай, мы рады. Очень.

На экране ещё секунду оставалось её лицо. Потом я нажала красную кнопку и услышала, как громко в кабинете работает кондиционер.

Лена опустила телефон.

— Не вовремя?

— Вовремя. Что случилось?

Клиенту обещали оборудование к открытию нового офиса, а склад перепутал одну позицию. Лена уже нашла замену, но Андрей Сергеевич требовал сначала выяснить, кто допустил ошибку. Сообщение об этом стояло у меня в рабочем чате, отмеченное тремя восклицательными знаками.

— Дай спецификации, — сказала я.

Следующие сорок минут всё было понятно. У заменяющей модели не совпадала ширина корпуса. Мы позвонили установщику, получили размеры ниши, выяснили, что модель не подойдёт, и подняли поставку для другого клиента, у которого монтаж ожидался через неделю. Я договорилась об обмене очередности, Лена — о машине. Сотрудник, перепутавший позицию, сидел за соседним столом и смотрел на меня так, будто я собиралась предложить доставить оборудование на собственной спине.

— Письмо клиенту составь сам, — сказала я. — Без слова «непредвиденное». Мы перепутали, мы исправляем. Отправишь мне, я посмотрю.

— Андрей Сергеевич сказал...

— Я с ним поговорю.

Когда начальник позвонил, я закрыла дверь. Мы не сошлись в оценке слова «разгильдяйство», зато сошлись в том, что к утру проблема должна исчезнуть. Я попросила не писать сотруднику напрямую, пока он исправлял ошибку. Андрей Сергеевич помолчал, спросил, во сколько поедет машина, и разговор закончился.

Лена принесла мне чай.

— Ты обедала?

На тарелке лежал макарон, снятый с вилки, а остальная еда выглядела так, словно имела ко мне давние претензии.

— Практически.

— Тогда это тебе.

Она поставила рядом контейнер с двумя сырниками. Я хотела отказаться: у неё самой оставалось мало времени. Потом взяла один.

— Спасибо.

— И ты мне пришли уже список, что остаётся на отпуск. Я не буду звонить тебе из-за каждой бумажки.

— Знаю.

Мы обе знали, что это ещё ничего не означало.

К вечеру Маша прислала фотографию рассады. На месте мокрой полоски с Денисом лежала новая, чистая. Над ней сестра нарисовала карандашом маленькое сердце. В сообщении было: «Сюда впишем твоего загадочного мужчину. Я теперь ещё сильнее жду!»

Я увеличила фотографию и зачем-то посмотрела, кого посадили с другой стороны. Маму Кирилла. Даже несуществующему человеку уже досталась социальная обязанность.

Домой я пришла затемно, хотя летний вечер ещё держался в окнах верхних этажей. В прихожей по-прежнему стояла коробка Денисовых книг. В неё помещалась та часть нашей жизни, которую он счёл нужным забрать позже: путеводитель, два альбома, несколько книг, к которым я никогда не притрагивалась. На коробке лежал запасной ключ от его квартиры. Я сняла его со своей связки в день расставания, а отдать так и не собралась.

Я достала телефон и открыла чат с Машей. Написала: «Мне нужно кое-что объяснить».

Потом представила её лицо. Не мамино, Машино. Как улыбка исчезнет и она поймёт, что я предпочла выдумать целого человека, лишь бы не выглядеть несчастной перед ней.

Сообщение я удалила.

В театральную студию я пошла весной по совету Жени. Не за новой жизнью и не за талантом, а потому, что после работы слишком долго молчала в квартире. Мы делали нелепые упражнения, читали вслух, однажды всей группой изображали очередь, которой сообщили, что она стоит не в ту сторону. Я ходила недолго. Сначала пропустила занятие из-за отчёта, потом из-за встречи, а потом стало неловко возвращаться.

Зато у меня был номер Жени.

Она ответила не сразу. На заднем плане кто-то громко считал до восьми.

— Оль? Ты вернёшься? У нас теперь по средам тоже группа.

— Мне нужен актёр.

— На мероприятие?

Я села на край дивана.

— Можно и так сказать.

— Ведущий? Чтец? Человек, который убедительно постоит памятником? У нас разные есть.

— Мужчина. Примерно моего возраста. Чтобы поехал со мной в отпуск и представился моим женихом.

Счёт на заднем плане остановился. Женя сказала кому-то, что отойдёт, и я услышала, как закрылась дверь.

— Повтори последнюю часть.

Я повторила. Слова во второй раз не стали разумнее.

— Ты понимаешь, что я сейчас спрошу?

— Можно ли просто сказать правду.

— Да.

— Можно. Я уже пробовала. Потом сказала неправду, стало хуже.

Я рассказала ей про звонок. Не про всю жизнь, только про сегодняшний разговор и пустую полоску с сердцем. Женя не засмеялась, и за это я была ей благодарна.

— Оля, он же не вещь напрокат. У него будет своё мнение. И родственники у тебя настоящие.

— Я понимаю. Это работа, за которую я заплачу. Семейные встречи, свадьба. Отдельная комната, билеты. Я не собираюсь...

Я замолчала, не зная, как закончить фразу.

— Поняла, — сказала Женя. — Есть один человек. Но я только спрошу, хочет ли он с тобой поговорить. Обещать ничего не буду.

— Хорошо.

— Он актёр. И преподаёт. Не делай ему предложение в духе «вам же легко».

— Не буду.

— И если откажется, не торгуйся за саму идею.

Я пообещала.

После звонка я убрала ключ в ящик. Потом вернула на коробку. Чтобы не забыть.

В телефоне появилось сообщение от Маши: «Только имя завтра точно. И фамилию. Остальное, если надо, потом».

Я ответила: «Да».

Одно короткое слово. Пока единственное, которое я могла выполнить.

Глава 2. Соискатель на счастье

Утром Женя прислала номер и сообщение: «Артём Соколов. Согласился встретиться, не согласился жениться. Разницу соблюдай».

Я позвонила, стоя у открытого шкафа. В нём висело пять блузок, одинаково подходящих женщине, которая решает разумные задачи. Ни одна не предназначалась для найма жениха.

— Да, Ольга, — сказал он после моего представления. — Женя предупредила.

Голос оказался обычным. Приятным, низким, чуть хриплым, но без той бархатной торжественности, которой я почему-то опасалась.

— Вы всё поняли?

— Думаю, не всё. Давайте встретимся. Сегодня в половине шестого сможете?

Я смогла. В календаре у меня стояло согласование отпускной передачи дел, и я передвинула его на утро следующего дня. Лене сказала, что уйду вовремя. Она удивилась так искренне, что я добавила:

— У меня встреча.

— Хорошо, — сказала Лена. — Тебе можно.

К половине шестого я сидела в кафе с маленьким столом, за которым невозможно было спрятать папку. Поэтому папка лежала сверху. В ней находились требования, вопросы, сведения о семье и распечатка апартаментов. Я успела заказать воду, проверить телефон и подумать, что можно уйти. Номер Артёма был, извинение я составила бы по дороге.

Дверь открылась в тот момент, когда я закрывала папку.

Я узнала его по фотографии, которую он прислал сам: «Чтобы не предлагали эту работу кому попало». На фотографии он стоял возле кирпичной стены и шурился. Вживую шурился тоже, выбираясь из солнечного прямоугольника у входа.

Он был выше, чем я предполагала. В выцветшей синей футболке, с сумкой через плечо, без особенного желания производить впечатление. По крайней мере, я именно это впечатление и получила. Волосы короткие, тёмные, один угол рта чуть выше другого. Когда он подошёл, я заметила на предплечье засохший след белой краски.

— Ольга?

— Да.

Мы пожали руки. Его ладонь была тёплая. Я сразу вернулась к папке.

— Артём. Можно на ты? Если не сработаемся, вернуться к официальному общению успеем.

— Можно.

Он отодвинул стул, сел и убрал телефон. Официантке сказал, что подождёт меню. Ни комплимента, ни пристального взгляда. Я ощутила необоснованное разочарование и с облегчением его распознала. Красивый мужчина пришёл обсуждать работу. Этого было вполне достаточно.

— Начнём? — спросила я.

— Я сначала поем, если ты не против. У меня после занятия не получилось.

— Конечно.

Он выбрал суп и хлеб. Я, уже пообедавшая второпях, внезапно заказала салат, чтобы не смотреть, как ест кандидат в женихи.

— Женя сказала, ты тоже ходила в студию, — заметил он.

— Да, весной. Несколько недель.

— По вторникам?

— Да.

— Значит, мы не пересекались. Я подменял преподавателя по субботам.

Я записала это на первом листе. Артём проследил за ручкой.

— Это плохо?

— Что?

— Что не пересекались.

— Нет. Просто деталь.

— Понятно.

Я услышала в этом «понятно» не насмешку, а осторожность и решила действовать прямо.

— Мне нужен человек на семейный отпуск. Мы едем в Лазорев на четырнадцать дней. На двенадцатый день свадьба моей сестры. Я сообщила семье, что помолвлена, хотя это не так. Мне стыдно, но отменить сказанное сейчас... трудно.

Он не стал помогать мне с последним словом. Подождал.

— Предполагается, что ты поедешь со мной и представишься моим новым женихом. Не бывшим. Его все знают.

— Хорошо, что уточнила.

— Я не совсем сумасшедшая.

— Я ещё ничего не сказал.

Он улыбнулся, и я с досадой обнаружила, что улыбка у него подходящая. Не для родственников. Для меня. Я опустила глаза к листу.

— Билеты, жильё, питание на общих мероприятиях я оплачиваю. Гонорар отдельно. От тебя нужно убедительное поведение, соблюдение согласованной истории, участие в семейных встречах. Никаких личных... обязательств.

— Что значит «убедительное поведение»?

— Чтобы было видно, что у нас хорошие отношения.

— Какие?

— Нормальные.

Он откинулся на спинку стула.

— У меня в подъезде живёт пара. Она ему раз в неделю кричит с балкона, что он забыл пакет. Он отвечает, что это её пакет. Потом возвращается. Они сорок лет вместе. Нормальные отношения?

Я невольно улыбнулась.

— Пакет обсуждать не придётся.

— Уже легче. А что придётся?

Я раскрыла папку. Он посмотрел на неё с уважением, которого она не заслуживала.

Первым пунктом стояло «спокойный». Вторым — «уверенный в себе». Дальше шли внимательность, устойчивость к неудобным вопросам, отсутствие чрезмерной общительности. Последний пункт я зачеркнула утром и написала вместо него «умеренно общительный».

— Я могу сама прочесть, — сказала я.

— Читай.

Он выслушал молча, только на словах «не перебивает, но поддерживает разговор» потянулся за водой.

— И ещё не нужно во всём со мной соглашаться. Это неестественно.

— Отлично. Тут мы уже начали.

— Что именно тебе не нравится?

— Пока я не понимаю, кого играть. Ты описала человека, который не доставляет неудобств. Это понятная мечта, но у него, похоже, нет ни одного собственного дела.

— Я описала поведение в семье.

— А на вопрос «чем занимаешься» он отвечает «веду себя в семье»?

Я захлопнула папку чуть громче, чем собиралась. За соседним столиком повернулась женщина.

— Можно без издёвки?

— Можно, — сказал он и перестал улыбаться. — Я не издеваюсь над тем, что тебе неприятно туда ехать одной. Но список этот мне не поможет. Мне нужно знать, чего ты ждёшь в конкретных ситуациях. Например, твоя мама спрашивает, сколько я зарабатываю. Что происходит?

— Она не спросит так прямо.

— Как спросит?

— Спросит, постоянная ли у тебя работа.

— А у меня постоянный театр, занятия и нерегулярные мероприятия. Иногда их много, иногда мало. Это можно сказать?

— Да.

— Тогда ты сама сможешь не испугаться, когда я это скажу?

Мне принесли салат, и несколько секунд я могла честно заниматься тарелкой. В его вопросе было неприятно много практического смысла. Я представляла человека, который понравится маме сразу. На нестабильной работе мама задержалась бы надолго.

— Смогу, — ответила я. — Наверное.

— Мне нужно знать до поездки.

Суп он попробовал осторожно, обжёгся, положил ложку. Это почему-то вернуло мне уверенность. Человек умел задавать неудобные вопросы, но перед горячим бульоном был в тех же обстоятельствах, что и остальные.

— А что ты вообще играешь?

— В театре? Сейчас в основном людей, которые вовремя не договорились.

Я посмотрела на него поверх стакана.

— Ладно, — сказал он. — У нас маленький театр. Два действующих спектакля, ещё один пока в работе. И отдельно мы с коллегами делаем свой. Не на основной площадке.

— Какой?

— «Запасной выход». Пока у него лучше всего готово название.

— А краска?

Он опустил взгляд на руку.

— Сегодня красили стойки. Потом я вёл речь. Должно было быть наоборот.

Он потёр белое пятно большим пальцем, безуспешно, и вернулся к супу. Мне стало немного стыдно за вопрос о репертуаре, заданный тоном проверки лицензии.

— Почему ты вообще согласился встретиться?

— Потому что ищу подработку. Две недели летом у меня свободны, если точно совпадут даты. И потому что Женя сказала, что ты не станешь просить меня воровать фамильные драгоценности.

— Не стану.

— Я хотел услышать лично.

Я засмеялась, хотя шутка была не особенно новой. Ему она, кажется, тоже не казалась великой: он просто доел ложку супа.

Мы сверили дни. На свадьбу он мог остаться, а на следующее утро хотел уехать. Я сказала, что это подходит. Родители с Машей и Кириллом проведут у моря ещё два дня, я тоже. Времени на прощание, решила я, хватит.

— Как ты объяснишь моё исчезновение потом? — спросил он.

— Скажу, что мы расстались.

— Сразу после отпуска?

— Не сразу. Позже.

Он задумчиво покрутил ложку, потом положил её на блюдце.

— Оля, я не буду потом месяцами отвечать на звонки твоих родных. Или приезжать на дни рождения, потому что ещё рано расстаться.

— Я этого не прошу.

— Сейчас. Я поэтому и спрашиваю заранее.

От этого будущего у меня неприятно стянуло живот. Вчера задача казалась короткой: пережить поездку, дать Маше спокойно выйти замуж, вернуться домой. Артём видел продолжение, в котором ему придётся выходить из моей жизни через чёрный ход. Мне захотелось сказать, что я всё обдумала. Я не сказала.

— Я разберусь с семьёй сама. После поездки ты ничего не должен.

Он кивнул, но без воодушевления.

— Давай попробуем, — предложил он через минуту.

— Что?

— Один разговор. Ты будешь мамой. Я новым человеком. Не трогай пока список.

— Прямо здесь?

— Мы же не будем кричать с балкона.

Я убрала папку под стул. Получилось неловко, угол зацепился за сумку. Артём терпеливо ждал. Потом повернулся ко мне вполоборота, будто мы сидели за длинным столом.

— Артём, а вы давно знакомы с нашей Олей? — спросила я маминым тоном и сразу пожалела.

— Несколько месяцев.

— А она нам ничего не рассказывала.

— Значит, расскажет теперь.

— Она у нас всё сама. Мы уже привыкли.

Я произнесла это и замолчала. Слишком похоже вышло.

Он не подхватил. Посмотрел на меня, уже без роли, и подождал, пока я возьму стакан.

— Продолжим? — спросил он.

— Да. Она много работает. Вам, наверное, бывает трудно.

— Пока справляемся.

Ответ прозвучал так спокойно, что у меня на секунду возникло глупое желание оставить его себе. Именно этот ответ, без него самого, без денег, без предстоящей поездки. Повесить дома у двери и предъявлять по мере необходимости.

— Нет, — сказала я. — Мама на этом не остановится. Она спросит, как же вы видите, если Оля постоянно в офисе.

— А как вы с ней видите?

— По выходным.

— Тогда и мы найдём время.

Я выдохнула. Он взял салфетку, вытер пальцы. Никакого превращения в идеального мужчину не произошло. Просто человек не стал спорить с мамой, оправдывать меня или рассказывать, какая я на самом деле прекрасная.

— Это было неплохо, — сказала я.

— Теперь попробуй ответить так же сама.

— Это не мне работу предлагают.

Он рассмеялся. Я поняла, что сказала смешное только по его лицу.

— А у тебя есть... — начала я и остановилась.

Он ждал.

— Женщина. Отношения. Кто-нибудь, кому эта поездка может не понравиться.

— Сейчас нет.

— Хорошо.

— Для работы, — уточнил он.

Я почувствовала, как нагрелись щёки.

— Разумеется, для работы.

Он не стал развивать тему, за что я мысленно убрала один минус из списка его недостатков. Правда, списка недостатков пока не существовало, но завести его казалось разумным.

— А вот у коллег вопросы будут, — продолжил он. — Я не смогу сказать, что уехал с настоящей невестой. У нас слишком маленький круг, чтобы потом отдельно из него выбирать.

— То есть ты расскажешь всем?

— Скажу, что подработка на семейном мероприятии. Без твоей фамилии и семейной истории. Жене ты уже рассказала сама. Этого достаточно?

Мне хотелось, чтобы о нашей затее вообще никто не знал. Чтобы он на двенадцать дней возник из воздуха, а потом аккуратно исчез, ничего нигде не оставив. Только сейчас я заметила, насколько это желание походило на ещё один пункт моей папки.

— Достаточно, — сказала я. — Только никаких фотографий и историй в компании.

— Мне тоже не хочется стать историей в компании.

— Ты не станешь.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Хорошо.

Я сложила использованную салфетку. До этого момента мне казалось, что рискую только я: именем, отношениями с близкими, остатками здравого смысла. Ему я отводила роль человека, который знает правила странной игры и ничем за её пределами не дорожит. Теперь это выглядело некрасиво даже в собственных мыслях.

— Я никому не буду пересылать нашу переписку, — сказала я. — И обсуждать условия тоже.

— Спасибо.

Впервые за встречу это слово прозвучало совершенно без облегчавшей его улыбки.

Счёт принесли общий. Я потянулась к нему, но Артём придержал край папки, которую я уже достала.

— За мой суп я заплачу. Мы пока не работаем.

— Я пригласила.

— И я согласился прийти в кафе. Мне так удобнее.

Он не сделал из этого заявления. Просто назвал официантке свои позиции. Я расплатилась за салат и воду. Мне было непривычно, что небольшое возражение не требовало ни победы, ни уступки с подчёркнутым великодушием.

На улице стояла жара. Мы остановились в тени дома, пропуская людей у двери. Артём достал телефон, проверил пропущенный звонок и написал кому-то короткий ответ.

— Мне нужно сегодня подумать, — сказал он. — И посмотреть даты по театру. Ты тоже подумай.

— Завтра сможем встретиться?

— Да. Если решим, что готовы обсуждать дальше, давай завтра в шесть. У меня будет свободный класс в студии. Я пришлю адрес.

Ветер перевернул верхний лист в моей папке. Артём поймал его за угол прежде, чем лист вылетел. На нём стояло: «Не демонстрировать чрезмерного восхищения».

Он прочёл строку, поднял на меня глаза и вернул лист, не прокомментировав.

Это молчание оказалось хуже любой шутки.

— Перестраховалась, — сказала я.

— Я понял.

— Ты слишком легко говоришь «я понял».

— Хорошо. Я не понял, зачем запрещать восхищение заранее, но спрашивать сейчас не буду.

Я сложила лист пополам. В первый раз за встречу мне захотелось узнать о нём что-нибудь, не связанное с семьёй и оплатой. Например, кому он отвечал. Или какой у него бывает выходной, если никто не нуждается в его голосе. Я не спросила.

— Мне нужно сегодня прислать твоё имя сестре, — сказала я вместо этого. — Для предварительного списка. Можно?

Он посмотрел серьёзно.

— Написать имя можно. Но это ещё не согласие.

— Знаю.

— Если мы не договоримся, менять список будешь ты.

— Да.

Он протянул руку, на этот раз просто на прощание. Я пожала её и сразу отпустила.

У метро я отправила Маше: «Артём Соколов».

Она ответила двумя сердцами и вопросом: «А фотку?»

Я убрала телефон в сумку. Фотографию мужчины у кирпичной стены я уже успела рассмотреть четыре раза. Отправлять её сестре почему-то оказалось труднее, чем назвать его своим женихом.

Глава 3. Мелкий шрифт

В студии пахло деревом, разогретой пылью и растворимым кофе. Администратор попросила меня подождать у окна. Я пришла на семь минут раньше и услышала за закрытой дверью несколько голосов, произносивших одну и ту же фразу с удивительно разным успехом.

— Не торопитесь заканчивать, — сказал Артём. — Последнее слово тоже ваше.

В ответ кто-то засмеялся. Потом стало тихо, и фраза прозвучала ещё раз — отчётливо, без натужной громкости.

Я посмотрела в телефон. От Маши пришли две фотографии букета и вопрос, не слишком ли много зелени. Я ответила, что второй красивее. Она написала: «Вот и Кирилл так говорит. А мама — будто салат». Следом появился смеющийся значок. Всё шло своим ходом. Сестра выбирала цветы, мама беспокоилась о композиции, а я стояла в коридоре с распечатанными условиями найма человека.

Дверь открылась. Из класса вышли люди с сумками, бутылками воды и лицами, на которых оставалось усилие. Молодой мужчина остановился возле Артёма, что-то спросил. Тот ответил, показав ладонью движение вниз, и мужчина кивнул, повторяя про себя.

Артём заметил меня.

— Привет. Заходи. Только я сейчас стулья уберу.

Я поставила сумку и взялась за ближайший стул.

— Их к стене?

— Да, но можно не помогать.

— Уже держу.

Вдвоём мы составили стулья. Один оказался тяжелее остальных, я неловко перехватила его за спинку. Артём не выхватил его у меня, а просто придержал нижнюю перекладину, пока я ставила. В комнате стало больше места. Посередине остались стол и два стула, слишком похожие на место экзамена.

— Даты свободны, — сказал он, вытирая руки бумажным полотенцем. — Я сверился. После возвращения у нас начнутся репетиции, но до твоей свадьбы никаких накладок нет.

— Не моей.

— Уже хорошо, что мы это различаем.

Он сел напротив и достал из сумки тетрадь с мягкой обложкой. На ней был след от кружки. Мои листы лежали в прозрачном файле. Я удержалась от желания подровнять их по краю стола.

— Я составила условия, — сказала я. — Это не окончательная версия.

— Давай посмотрим.

Первым делом мы выяснили, что моё «семейные мероприятия» занимало почти весь отпуск. В приложенном списке стояли завтраки, ужины, прогулки, экскурсия, пляж и репетиция свадьбы. Между ними я оставила свободное время. Если считать только пустые строки.

Артём провёл ручкой по листу сверху вниз.

— Тут можно успеть переодеться.

— Это не значит, что все пункты обязательны. Я написала возможное.

— Тогда отделим возможное от обязательного. Я не смогу двенадцать дней быть на виду с утра до ночи.

Я хотела возразить, что обычные пары проводят отпуск вместе, но вовремя вспомнила, что обычные пары не согласуют отпуск за столом пустого класса.

Мы оставили общий завтрак, если семья собирается, и заранее выбранные вечерние встречи. На экскурсию он поедет, на свадебную репетицию придёт, на самой свадьбе будет гостем рядом со мной. Всё остальное нужно обсуждать. С часа до пяти у него ежедневно оста-

валось личное время. В дороге и в день свадьбы это окно мы передвинем по договорённости, сохранив возможность побыть одному.

— Четыре часа? — переспросила я.

— Ты тоже можешь ими пользоваться.

— Я понимаю. Просто если мама предложит всем пойти на пляж...

— Ты пойдёшь. Я захочу — пойду. Не захочу — у меня будут дела.

— Какие?

Он положил ручку.

— Мои.

Сказал спокойно, без нажима. Мне стало стыдно именно потому, что нажима не было. Я сделала пометку и убрала пляж из обязательного.

— У меня занятия нужно готовить и текст учить, — добавил он. — Но если однажды я просто засну после обеда, это тоже будет законная причина не идти купаться.

— Хорошо.

— А у тебя есть любимое занятие в отпуске, которое не включает семью?

Я задумалась. Обычно я читала, пока кто-нибудь не спрашивал, где зарядка, во сколько выезд или можно ли перенести столик. Ещё плавала, если первой выходила из номера.

— Море, — сказала я. — Рано, до завтрака.

— Вот. Его в расписание не вписывай. Заберут.

Я улыбнулась и впервые позволила листам лежать криво.

С жильём получилось проще. Я уже попросила заменить прежнюю бронь на апартаменты с двумя изолированными спальнями. Сотрудница «Тихого двора» прислала план: общая кухня, маленькая гостиная, справа и слева двери. Мы вместе посмотрели фотографии. В одной комнате кровать стояла под окном, в другой у стены, между ними не было прохода.

— Замки на дверях есть? — спросил Артём.

Я показала ответ гостиницы.

— Есть.

— Тогда подходит.

— Семья удивится.

— Двум спальням?

— Мама может сказать, зачем переплачивать.

— Ты скажешь, что тебе так удобно. Это ведь правда?

Правда сама по себе меня вполне устраивала. Не устраивало только, сколько на неё можно навесить дополнительных вопросов. Я решила оставить это затруднение на потом.

Про деньги я собиралась говорить первой, но он открыл свою тетрадь.

— Я посчитал. Двенадцать дней — сто двадцать тысяч. Отдельно дорога и жильё. Общие семейные ужины, о которых ты говорила, тоже за твой счёт. Мой кофе, мои прогулки и личные покупки — мои.

Я посмотрела на цифру. Она не была маленькой. На эти деньги можно было сделать дома то, что я откладывала уже год, и ещё осталось бы на хороший отпуск. Вчера вечером я открывала банковское приложение и долго смотрела на накопления. Резерв на обычную жизнь я трогать не собиралась. Свободных денег хватало. Это делало затею доступной, но не умной.

— Десять тысяч за день, — уточнила я.

— Да. С подготовкой. Сегодняшняя встреча и ещё одна, чтобы разобраться с вашей семейной историей. Первую встречу в кафе не считаем.

— Я могу перевести половину сейчас. Остальное перед поездкой.

— Давай половину сейчас, половину перед седьмым днём. Если до поездки что-то сорвётся, обсудим фактическую подготовку, не будем считать двенадцать дней сыгранными.

Я отметила это на полях. Так говорить о моей жизни было странно. День первый, шестой, седьмой. Как о партии товара, разбитой на две поставки. В этом же была и помощь: там, где появлялись понятные суммы, я снова умела думать.

— Если ты решишь уехать раньше? — спросила я.

— Рассчитаемся за то, что я отработал. Неотработанное верну. То же самое, если ты захочешь закончить.

— А купленные билеты?

— Уже понесённые согласованные расходы — отдельно. Я не предлагаю сделать вид, что их не было. Но и штраф за отказ не нужен. Ни тебе, ни мне.

— Я не вписывала штраф.

Он перевернул лист и прочёл:

— «Исполнитель обязан обеспечить непрерывность исполнения принятой роли на протяжении согласованного срока».

Это предложение я написала ночью, чувствуя себя необыкновенно предусмотрительной.

— Я имела в виду, что нельзя просто исчезнуть.

— Так и напиши. Не исчезать. Предупредить, поговорить, закончить расчёты. Но если кто-нибудь из нас скажет «хватит», он должен суметь уйти.

Я зачеркнула непрерывность исполнения. Чернила оставили жирную полосу, и Артём повернул тетрадь, чтобы подложить чистый лист. Моя ручка перестала прорывать бумагу.

— Я не хочу оказаться там одна без объяснений, — сказала я.

— Я понял. Без объяснений не уеду.

Теперь его «понял» меня не раздражало. Он ответил именно на то, что я боялась написать.

Следующая страница называлась «Образ». Артём прочёл её молча, и я заметила, как изменилось его лицо на словах о работе.

— Консультант по коммуникациям? — переспросил он.

— Ты ведёшь занятия по речи.

— И работаю актёром.

— Я не хотела это скрывать. Просто маме понятнее...

— Консультант?

Я посмотрела на придуманное словосочетание. Мне самой было непонятно, что именно оно должно сообщать.

— Артём, у неё стереотипы. Она думает, что актёры либо в телевизоре, либо безработные.

— Значит, познакомится с третьим вариантом.

— Я не имела в виду, что твоя работа хуже.

— Тогда оставим мою работу.

Он не улыбался. Я ощутила желание тут же доказать, что хорошо отношусь к театру, перечислить недавние спектакли. Удержалась. После такой попытки нам обоим стало бы ещё хуже.

— Оставим, — сказала я и зачеркнула строку. — Актёр. Преподаватель. Настоящее имя.

— И возраст. Мне тридцать пять, не тридцать два. Я переживу разницу.

Возраст я не меняла. Но на листе оставалось слишком много мест, где я пыталась улучшить неизвестного мне человека. Я перевернула страницу раньше, чем он успел добраться до них.

Артём провёл пальцем по слову «жених» на первом листе.

— Можно ещё один вопрос? Почему не просто мужчина, с которым ты встречаешься?

— Потому что я сначала так и сказала.

— А потом?

— Потом добавила.

— Мама спросила?

— Нет.

Он посмотрел на меня. Я ждала вывода, но он снова молчал, и в тишине было неудобно прятаться за маминим характером.

— Это я сама, — сказала я. — Мне показалось, что человек, с которым я просто встречаюсь, недостаточно...

Я покрутила ручку. Договорить оказалось труднее, чем придумать помолвку перед всей семьёй.

— Недостаточно что? — спросил Артём.

— Убедительно.

Он вздохнул и откинулся на спинку стула.

— То есть специального предложения от меня никто не ждёт?

— Нет. И дату свадьбы мы не назначали. И не будем.

— Это нужно будет сказать сразу, если спросят.

— Скажем.

Я расправила угол листа, который загнула, пока отвечала. Мне хотелось, чтобы он спросил ещё что-нибудь простое: про питание, море, транспорт. Он оказался достаточно внимательным, чтобы именно так и сделать.

— Твои родители в том же отеле?

— В том же комплексе, в отдельных апартаментах. Маша с Кириллом тоже. Ещё несколько друзей подъедут ближе к свадьбе, но не все будут жить там.

— Значит, внезапных общих утренних сборов у нас на кухне не будет?

— Я попрошу заходить после звонка.

Сказать это оказалось легче, чем представить, как я действительно прошу. Однако я записала себе отдельную пометку и не стала переносить её в его обязанности.

— И ещё, — добавила я. — Если тебе покажется, что я сказала глупость, можно говорить прямо. Только не перед ними.

— Договорились. Ты мне тоже.

— Про семью что можно говорить?

— Обычные вещи. Мама живёт в другом городе, папы нет. Подробности я сам расскажу, если захочу. Не надо делать из этого историю о том, как мне тяжело и как ты меня спасла.

— Я не собиралась.

— И хорошо. Ни болезни, ни внезапные несчастья в запасе нам не нужны. Если моя настоящая жизнь не подходит, лучше сейчас остановиться.

Он сказал это тихо. Я услышала скрип стула из соседней комнаты и чьи-то шаги в коридоре. Впервые возможность не договориться стала осязаемой. Он мог закрыть тетрадь, а я — забрать папку, и на этом всё закончилось бы. Не катастрофой. Просто пришлось бы позвонить сестре.

Я посмотрела на его руку возле страницы. Та же рука вчера поймала мой лист. Я хотела, чтобы именно этот человек поехал со мной. Было рано объяснять себе, почему, и я выбрала объяснение попроще: он уже знал задачу.

— Подходит, — сказала я. — Я уберу всё лишнее.

Он кивнул и отодвинул тетрадь к краю стола.

— Осталось самое неловкое.

Я выпрямилась.

— Прикосновения, — сказал он. — Ты написала «достаточная близость».

— Обнять за плечи. Подать руку. Я не имела в виду...

— Я понял, что ты не имела в виду. Но лучше договориться. Поцелуев в задании нет. Ничего, кроме того, на что оба согласны в моменте. Если тебе неудобно, говоришь. Мне неудобно — тоже говорю. И не обсуждаем потом, насколько это повредило достоверности.

От слова «поцелуи», произнесённого совершенно рабочим тоном, я почему-то уставилась на его рот. Спихватилась, перевела взгляд на страницу и поставила ненужную точку после уже готового предложения.

— Да. Конечно.

— На людях можно просто спросить. «Тебе удобно?» Нормальная фраза, никто не удивится.

— Мама может.

Он засмеялся.

— С ней мне даже интересно познакомиться.

— Это пока.

Я внесла изменения в ноутбук. Он пересел на соседний стул, чтобы видеть экран. Теперь я чувствовала запах его мыла и слышала, как он негромко читает строку про обратный отъезд. Мне мешало, что человек может одновременно обсуждать сумму возврата и сидеть так близко. Я подвинула ноутбук между нами.

Мы сократили мои четыре страницы почти вдвое. Не потому, что он обещал меньше, а потому, что из текста исчезли способы обещать одно и то же несколько раз. Двенадцать дней участия, две подготовки, отдельные спальни, свободные часы, расходы, оплата и возможность остановиться. Всё, что касалось семьи, оказалось сложнее листа и на листе не помещалось.

— Ради спектакля? — спросила я, когда он проверял реквизиты перевода.

— Что?

— Эта работа. Ты вчера говорил про независимый.

— В том числе. Мы арендуем зал на репетиции. Несколько недель сможем заниматься нормально, а не искать, где свободно после десяти вечера.

— Тебе одному это оплачивать?

— Нет. Каждый вкладывается, как может. Я смогу деньгами и временем. Стас делает часть декораций, Вера договорилась по площадке.

Он закрыл тетрадь. Больше я не спрашивала. Не хотела, чтобы мой гонорар за двенадцать дней неожиданно превратился в право считать его расходы.

Распечатали мы бумаги у администратора. Пока принтер шумел, она спросила Артёма, не может ли он взять дополнительное занятие в следующем месяце. Он попросил прислать дату, проверил календарь и сказал, что в этот день не сможет. Без шутки и без извинения на полстраницы. Администратор кивнула и вынула наши листы.

Подписывали на узком столике в коридоре. Я вывела фамилию особенно разборчиво. Артём поставил подпись быстро, потом ещё раз проверил, на каждом ли экземпляре она есть.

Я перевела шестьдесят тысяч. Он дождался уведомления и сказал:

— Пришло. Спасибо.

Не подмигнул, не поздравил с приобретением. Я была ему за это благодарна.

Билеты я купила вечером, уже дома. Туда — вместе. Обратно ему на утро тринадцатого дня, мне — на четырнадцатый. Данные он прислал сам, я проверила каждую букву. Подтверждение двух спален пришло следом. Я создала папку с документами поездки и наконец закрыла ноутбук.

Потом спросила у Артёма, можно ли отправить Маше его фотографию.

«Ту, что присылал, можно».

Сестра ответила почти сразу: «Хороший. У него лицо живое».

Я открыла снимок. Артём шурился возле кирпичной стены, будто ему мешало солнце, а фотограф не собирался перемещаться ради его удобства. Не идеальный ракурс, не новая рубашка. Действительно живое лицо.

На столе лежали подписанные листы. Я убрала их в папку к билетам и почувствовала облегчение. Всё было предусмотрено.

Кроме того, что теперь у меня был мужчина, на фотографию которого я смотрела перед сном.

Глава 4. Как мы познакомились

За три дня до вылета я пришла в студию с историей нашего знакомства на двух страницах. Артём прочёл первую, дошёл до середины второй и поднял голову.

— У меня вопрос к собаке.

— Какой?

— Зачем она здесь?

Собака была случайной, ничьей. В моей версии она подбежала к нам после занятия, я угостила её, а Артём заметил, что я добрая. Я написала это поздно вечером, когда любое небольшое событие казалось лучше пустоты.

— Для естественности, — сказала я.

— У меня на прошлой странице остыл кофе, на этой чужая собака, а между ними я дважды запомнил твои глаза. По отдельности всё бывает. Вместе я уже боюсь выходить из класса.

— Можно было сказать короче.

— Уберём собаку?

— Уберём.

Он положил листы перед собой. Мы сидели в той же комнате, но теперь без экзаменационного стола: администратор отдала его соседней группе. Моей папке пришлось лежать на подоконнике. Артём принёс два складных стула, и я всё время боялась, что мой неожиданно сложится. Он проверил крепление и поменялся со мной местами, хотя я не просила.

— Расскажи, как ты действительно сюда попала, — предложил он.

— Женья позвала. Она сказала, что мне надо хоть иногда произносить что-нибудь, кроме «добрый день» и «во вложении».

— Хорошая рекомендация.

— Я пришла во вторник, опоздала на десять минут. Все ходили по комнате и менялись направлениями. Я решила, что это разминка, и тоже стала ходить. Потом оказалось, что у каждого было задание, а у меня нет.

— И ты спросила?

— Нет. Сначала минут пять старалась понять систему.

Артём коротко рассмеялся.

— А потом?

— Потом меня остановили и спросили, почему я всё время ухожу от остальных. Я сказала, что никому не хочу мешать.

Он смотрел на меня с таким вниманием, что захотелось скорее перевести рассказ на смешное. Но дальше смешного почти не было. Мне понравилось, что в комнате можно ошибаться, а потом снова делать упражнение. Никто не переносил одну ошибку на все остальные мои способности. Первые недели я выходила на улицу уставшая, довольная и не сразу доставала рабочий телефон.

— Потом я начала пропускать, — закончила я. — Ты знаешь.

— Знаю только, что перестала ходить.

— Работы много было.

Он кивнул. Не сообщил, что работу следует оставлять на работе, и не предложил менять жизнь. Это мне понравилось настолько, что я сама добавила:

— И, наверное, я почувствовала себя глупо. Взрослая женщина изображает очереди, вместо того чтобы...

— Жить взрослой женской жизнью?

— Примерно.

— Кто так сказал?

— Я.

Он потянулся к листам.

— Тогда оставим самое простое. Мы познакомились здесь весной. Позже начали встречаться. Ты тогда уже рассталась с Денисом. Мы не придумываем, что ты выбирала между нами.

— Да, конечно.

— Подробности знакомства: ты опоздала, я помог разобраться, куда идти. Может такое быть?

— Может. Но это не особенно интересно.

— А нас будут оценивать за сюжет?

Я перечитала две страницы. Там была прогулка до метро, спор о старом фильме, маленькое кафе с зелёными стульями. Кафе существовало, фильм я любила. Остальное придумала так тщательно, что уже помнила цвет его куртки в несуществующий вечер.

— Если мама спросит, чем я тебе понравилась?

Он сложил листы.

— Отвечу.

— Что?

— Пока не знаю, как она спросит.

— Но надо подготовиться.

— Я подготовлюсь к тому, что встречу твою маму. Не к каждой её фразе.

Мне это не нравилось, и он, кажется, заметил.

— Оля, если ты будешь ждать от меня определённого ответа, ты сама меня выдашь. Я скажу «смешная», а ты посмотришь так, будто мы договаривались о «внимательная».

— Я не смешная.

— Прямо сейчас немного.

Я хотела обидеться, но он сказал это без снисхождения. Как сказал бы, что у меня на плече нитка. Я посмотрела на свой стул, который он занял, и впервые за двадцать минут перестала прислушиваться, не скрипнет ли крепление.

Мы начали с простого. Кто первый написал после знакомства — он. Куда ходили — гуляли, иногда ужинали, один раз в кино; названия придумывать не стали. Помолвка недавняя, без торжественного предложения. Даты свадьбы нет. Живём пока отдельно. Это оказалось всего несколькими строками.

— А любимые блюда? — спросила я.

— Их можно узнать по-настоящему. Я ем почти всё, кроме сладкой рисовой каши. Не люблю с детства. Теперь твоя очередь.

— Печёнку не ем.

— Уже близки.

— И очень сладкое вино.

— Я тоже.

Я записала это и, подняв глаза, увидела его выражение.

— Не надо записывать?

— Решай сама. Только если мама нальёт мне сладкого, не бей по руке папкой.

Он показал, как я могу это сделать, не вставая со стула. Получилось короткое, точное движение, в котором я неприятно узнала себя на совещании. Я рассмеялась. Артём тут же изобразил удивление человека, которого наказали за недостаточную осведомлённость о собственной жизни, и я рассмеялась ещё сильнее.

— Не надо, — сказала я, закрывая лицо ладонью.

— Слишком правдоподобно?

— У меня заместительница так смотрит, когда я исправляю письмо уже после отправки.

— А ты исправляешь?

Я опустила руку.

— Только если ошибка.

— Ясно.

Он произнёс это голосом уставшего человека, который всё уже понял, и мне пришлось отвернуться к окну, чтобы остановиться. В стекле отражались мы оба: он на неудобном стуле, я, красная от смеха, с распущенной за ухом прядью. Не особенно красивая сцена. По крайней мере, я бы заранее её так не задумала.

Артём перестал меня передразнивать, когда я попросила второй раз. Не выжимал последнюю улыбку. Встал, принёс воды из кулера, поставил стакан на подоконник рядом с моим локтем.

— Вот так лучше, — сказал он.

— Что?

— Тебе идёт смеяться.

Я взяла стакан слишком быстро и пролила немного на край листа. Собаку, которую мы исключили, намочило первой.

Он не стал спасать комплимент шуткой. Я тоже не нашлась с ответом. Отпила воды, поставила стакан подальше и занялась мокрой бумагой. Снаружи во дворе кто-то заводил мотоцикл. За стеной переставляли мебель. Всё звучало неожиданно громко.

В дверь заглянула администратор.

— Ребята, простите, вам тут ещё долго? Нам нужен класс минут через двадцать.

— Уже заканчиваем, — ответил Артём.

Она попросила вынести в коридор три коробки с реквизитом. Мы поднялись. В первой лежали свёрнутые ткани, во второй шляпы. На третьей было написано «НЕ ОТКРЫВАТЬ», а ниже другой рукой — «Открыть перед использованием».

— Это про что? — спросила я.

— Кажется, про наше знакомство, — сказал Артём.

Я засмеялась уже заранее, пока он ещё договаривал. Это было опаснее, чем сам комплимент. Я слишком быстро поняла, как он собирается сказать, и мне понравилось ждать.

С коробками мы управились без происшествий. Артём понёс самую большую, я взяла шляпы. В коридоре он случайно задел плечом выключатель, свет погас. Мы оба остановились, каждый с коробкой в руках.

— Не двигайся, — сказала я. — Я сейчас локтем.

— Тут есть автоматическое освещение, просто оператор занят.

Я нащупала клавишу, включила свет и увидела, что он щурится совершенно так же, как на фотографии. Мне захотелось коснуться его виска, убрать волосы, хотя убирать было нечего. Я крепче прижала коробку к себе.

Пока я убирала папку в сумку, Артём ещё раз посмотрел на страницу с семейными фотографиями.

— Я не перепутаю. Ирина, Виктор, Маша, Кирилл. С последним мне о чём нужно успеть поговорить?

— Ни о чём не нужно успевать. Он нормальный.

— Остальные тоже производят впечатление нормальных людей.

Я взяла лист и неожиданно для себя увидела именно то, что он описал. Мама в саду, щурящаяся на солнце. Папа с рыбой, которую держал слишком близко к объективу. Маша и Кирилл у окна, на фоне пустой кухни в их новой квартире. На фотографиях никто не собирался допрашивать меня или оценивать мой успех.

— Они хорошие, — сказала я. — Правда. Я не хочу, чтобы ты думал...

— Не думаю.

— Просто с ними я иногда начинаю отвечать ещё до вопроса.

Он закрыл колпачком ручку.

— Если твой папа молчит, мне нужно его развлекать?

— Нет. Он может просто сидеть и слушать. Мама иногда просит его что-нибудь сказать, тогда он сердится. Не сильно, но заметно.

— Это полезно знать.

— А Кирилл в новой компании сначала тоже молчит. Только не пытайся их объединить на этом основании. Они и так знакомы.

Артём улыбнулся.

— Хорошо. Никого не развлекаю без необходимости, молчащих в отдельный клуб не собираю.

Я убрала фотографии. Мне полегчало от того, что он задал именно такой вопрос. Я весь день готовила его к тому, как понравиться, а он заметил возможность кому-то помешать.

— И Маше не говори, что она маленькая, — добавила я уже у двери.

— Ей двадцать семь.

— Знаю. Это больше мне нужно помнить.

Он придержал дверь, пропуская меня, и я впервые вышла из студии без ощущения, что мы ещё чего-то не предусмотрели.

На улице мы пошли к метро вместе. Артём спросил про Машу, и я рассказала, как она выбрала свадьбу у моря: сначала поездку планировали только они с Кириллом, потом захотели позвать родителей, потом выяснилось, что всем проще приехать на две недели и совместить праздник с отпуском. Основных гостей ожидали ближе к торжеству. Никакой огромной церемонии не предполагалось.

— Она долго выбирала, — сказала я. — Хотела, чтобы всем было удобно. Потом решила хотя бы место оставить себе.

— А ты?

— Что я?

— Хотела бы у моря?

Я замедлила шаг. Вопрос прозвучал просто, но отвечать мне стало неудобно. Мы с Денисом так и не дошли до настоящего выбора. У нас были разговоры про «потом», а потом появился его переезд, который тоже следовало считать решённым.

— Не знаю, — сказала я. — Не думала.

Это было не совсем правдой. Артём не стал уточнять. Рассказал, что однажды работал на мероприятии под открытым небом, где ветер победил все карточки рассадки, и гостям пришлось сесть как получится. Я спросила, был ли доволен организатор. Он ответил, что организатор до конца вечера ловил карточки и возвращал каждой на правильный стол уже после того, как гости ушли танцевать.

— Я бы тоже ловила, — призналась я.

— Знаю.

У входа в метро мы уточнили время встречи в аэропорту. Я предложила заехать за ним на такси, но ему было проще добраться самостоятельно. Он отказался без длинных объяснений. Я записала место встречи в общий чат и тут же получила от него подтверждение.

— У тебя всё готово? — спросил он.

— Почти.

— Тогда до вылета.

Он улыбнулся, и я зачем-то поправила ремень сумки. В метро поехала не в ту сторону, заметила через одну остановку и рассердилась на него, хотя он в это время совершенно законно мог заниматься чем угодно.

На следующий день я передавала дела Лене. Мы заняли переговорную, закрыли дверь и разложили документы. Лена пришла со своим списком, в котором почти все мои пункты уже были.

— По этому клиенту сначала спроси меня, — сказала я, показывая на строку.

— Зачем?

— Они иногда меняют требования.

— Вижу. Я им напишу, чтобы подтвердили.

— Да, но там ещё...

Лена подняла глаза. Точно так, как вчера Артём.

Я закрыла рот и дала ей закончить. Она объяснила, что собиралась сделать. Всё было разумно. В одном месте даже лучше моего плана: я уже привыкла к неудобству и больше его не замечала.

— Хорошо, — сказала я. — Делай.

Мы договорились, что срочное она пометит отдельно, а обычные вопросы решит сама. Я написала команде, что на время отпуска решения проходят через Лену. Перечитала сообщение три раза, но не добавила «с копией мне».

Вечером мама позвонила уточнить, что взять Артёму из домашней еды в дорогу. Я сказала, что ничего, он сам разберётся. Потом попросила не заходить в наши апартаменты без звонка: мы можем отдыхать или работать.

— Конечно, — ответила мама. — Я же не собиралась вламываться.

И тут же спросила, пьёт ли он чай с сахаром.

Этого я не знала. В кафе он заказывал только суп и воду, в студии мы тоже пили воду. Я могла спросить, но почему-то не захотела писать исключительно по такому делу.

Перед сном я всё-таки открыла чат. Написала: «Кстати, сегодня дала Лене самой закончить».

Он ответил через несколько минут: «Она выжила?»

«Я тоже».

«Значит, поездка уже приносит пользу».

Я положила телефон на подушку рядом с собой и вспомнила свой смех в студии. Артём умел добиваться нужной реакции. За этим, собственно, я к нему и обратилась.

Но в коридоре, когда погас свет, зрителей у нас не было.

Глава 5. В пути

В аэропорту Артём оказался раньше меня. Он сидел возле условленного столба, положив ногу на ногу, и читал потрёпанную тетрадь. Рядом стояла дорожная сумка, из бокового кармана торчало яблоко.

Я остановилась в нескольких шагах. До этого мы всякий раз приходили куда-то поговорить и потом расходились. Теперь от разговоров предстояло перейти к двенадцати дням одной жизни, причём моя семья уже ждала в конце маршрута.

Артём поднял глаза.

— Доброе утро.

— Доброе. Давно ты здесь?

— Минут двадцать. Решил не рисковать.

— Я тоже.

Он посмотрел на часы. До вылета оставалось достаточно времени, чтобы оба наших решения признать успешными.

— Тогда поздравляю нас с первым совпадением.

Встал, убрал тетрадь. На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами. Я впервые увидела его не в футболке и подумала, что семейный выбор одежды он понимает лучше, чем я опасалась. Потом одёрнула себя. Рубашка могла быть просто чистой.

— Давай чемодан, — предложил он.

— Я сама.

— Хорошо.

Он подхватил свою сумку. Мы пошли рядом. Мой чемодан катился с таким звуком, будто внутри находилась небольшая телега. Я знала об этом ещё после прошлой поездки и забыла проверить колесо.

Артём не оглядывался. Я начала подозревать его в исключительной деликатности, но у стойки он сказал:

— Зато потерять тебя будет трудно.

— Обычно он тише.

— На отпуск настроился.

После регистрации чемодан уехал, оставив нам обоим неожиданную тишину. Я проверила сообщения. Маша, Кирилл и родители уже прилетели утренним рейсом, добрались до Лазорева и присылали фотографии зелёного двора. Мама сняла завтрак с трёх сторон. На одной фотографии отражалась её собственная рука с телефоном.

«У нас всё хорошо. Ждём вас», — написала я.

Потом увидела рабочий чат.

Лена прислала подтверждение от клиента. Вопросы не было, срочной пометки тоже. Я прочла, увеличила вложение и заметила, что они выбрали не ту комплектацию, которую обычно брали. Уже открыла поле ответа, когда Артём спросил, будем ли мы пить кофе.

— Сейчас. Одну минуту.

Через четыре минуты он вернулся с бумажным стаканом.

— Тебе не брал. Не понял, чего ты хочешь.

— Я бы тоже кофе.

— Вон там свободно.

Мне захотелось сказать, что он мог уточнить. Вместо этого я поняла, что он как раз уточнял, пока я изучала чужую комплектацию.

Я отправила Лене: «Они точно подтверждают вариант?»

Ответ пришёл сразу: «Да. Я отдельно спросила, потому что отличается от прошлой поставки».

Я написала «Отлично» и закрыла чат.

— Работа? — спросил Артём, когда я села рядом со своим кофе.

— Я руководитель отдела. Если ошибёмся, потом всё равно мне разбираться.

— Угу.

В этом коротком звуке я услышала сомнение.

— Что?

— Ничего. Ты сказала, что передала дела.

— Передала.

— Хорошо.

Он достал тетрадь, и я увидела карандашные пометки на полях. Несколько строк были перечёркнуты. У одного слова стояла стрелка к другому листу.

— А ты тоже работаешь, — сказала я.

— Сейчас да.

— Вот.

— Я не спорю. У меня репетиции после возвращения. Если совсем забуду текст, коллегам будет тяжело.

— Как вы репетируете, если все ещё где-то работают?

Он перевернул страницу, нашёл закладку и закрыл тетрадь.

— По-разному. Если везёт, договариваемся заранее. Если не везёт, в день репетиции выясняем, у кого съёмка, у кого мероприятие, кто может только утром. Вчера Стас предложил собираться в семь.

— Вечера?

— Вот и мы переспросили.

Я засмеялась. Артём отпил кофе и поморщился: снова слишком горячий.

— Зато сейчас у нас будет несколько нормальных недель, — продолжил он. — Вера собрала всем окна. Зал нашли. Осталось не растерять людей до начала.

— Ты отвечаешь за организацию?

— За часть. Ещё Вера. Она режиссёр. Остальные тоже помогают, только иногда помощь заключается в том, чтобы не предлагать новое решение за день до уже принятого.

Я кивнула с большим пониманием, чем собиралась.

— Мне это знакомо.

— А твои люди как без тебя?

— Лена справится.

Сказать это вслух оказалось легче, чем не проверять.

Посадку мы ждали спокойно. Артём читал, я сначала смотрела на экран телефона, потом убрала его. Никто не пытался заполнить паузу. Только когда объявили наш выход, мы одновременно поднялись, оба потянулись к пустым стаканам и столкнулись руками.

— Мусор беру на себя, — сказал он.

— Тогда я документы.

— Мои у меня.

Он достал паспорт прежде, чем я успела попросить. Я засунула свой обратно в сумку и оставила ему возможность самостоятельно добраться до самолёта.

В полёте Артём почти сразу уснул. Голова у него слегка наклонилась, рукав задрался выше локтя. Спал он без всякой живописности, время от времени хмурясь, будто даже во сне кто-то менял расписание. Я сидела у окна и смотрела вниз, где облака закрывали землю.

Когда принесли воду, он проснулся, поблагодарил и выпил почти целый стакан. Спросил, удалось ли мне поспать. Я ответила, что нет, хотя пыталась. Он предложил поменяться

местами, если мне неудобно у окна. Я отказалась. Мне было удобно. Непривычно было только видеть рядом человека, с которым ещё не сложились правила мелкой заботы.

Мой чемодан встретил нас в аэропорту уже не шумом, а сопротивлением. Одно колесо заклинило окончательно. Я протащила его до стены, присела и увидела тонкую пластиковую ленту, намотанную на ось. Откуда она взялась, оставалось загадкой. Чемодан выглядел оскорбительно исправным во всех остальных местах.

— Дай посмотрю, — сказал Артём.

— Я вижу. Тут застряло.

Он опустился рядом, поставив сумку так, чтобы её не задевали проходящие люди. Попробовал потянуть ленту, но она только глубже затянулась.

— Не надо, — сказала я слишком резко. — Сейчас порвёшь, и я вообще не подцеплю.

Он убрал руку.

— Хорошо. Что делаем?

Это «делаем» подействовало лучше, чем извинение. Я вытащила из сумки пенал с мелочами. Нашла пинцет, который положила из-за бровей и совершенно не ожидала применить к ходовой части.

— Подержи вот так.

Артём наклонил чемодан, я подцепила край ленты. Пальцы соскальзывали. Мне мешали волосы, я откинула их головой и попала прядью в рот.

— Можешь поставить на бок, — сказал он. — Я удержу.

— Тогда всё содержимое...

— Оно уже пережило полёт.

Я посмотрела на него, признала аргумент и поставила чемодан на бок. Через минуту лента вышла длинной грязной петлёй. Колесо завертелось. Артём попробовал прокатить чемодан, на этот раз без грохота.

— Поздравляю, — сказал он. — Знакомство с семьёй можно переносить на него. Стал заметно спокойнее.

Я отдала ему пустой пакет под ленту и встала. На колене остался пыльный след. Он протянул влажную салфетку, одну себе, другую мне. Мы стояли у стены, приводили руки в порядок и не говорили ничего романтического. Именно поэтому мне вдруг стало легче ехать дальше.

Водитель трансфера позвонил, когда я застёгивала пенал. Он ждал с другой стороны здания: при бронировании я выбрала выход, которым собиралась воспользоваться, а вышли мы к ближайшему. Я начала извиняться, объяснять про колесо, потом остановилась и просто уточнила, куда идти.

— Десять минут, — сказала я Артёму после звонка.

— Успеем.

— Он ждёт.

— Мы уже идём.

Мы действительно шли. Чемодан больше не спорил, дорога до машины заняла меньше обещанного. Я не стала писать семье подробный отчёт о задержке. Сообщила только, что едем.

За окнами постепенно исчезли большие магазины, появились низкие дома, сухие холмы, узкие полосы садов. Я заметила море не сразу: сначала приняла светлую полосу вдаль за небо. Артём тоже повернулся к окну.

— Давно не был, — сказал он.

— На море?

— Да. В прошлом году собирался. Потом нашлась работа на те даты, перенёс. Так и не собрался снова.

Я вспомнила свободные часы, которые мысленно считала помехой. Ему тоже хотелось сюда. Просто это желание не отменяло того, что он приехал работать.

— Завтра утром можно искупаться, пока никто не проснулся, — сказала я.

Он повернулся ко мне.

— Можно.

Больше мы ничего не согласовывали. Я смотрела в окно, он слушал что-то в одном наушнике. Увидев мой взгляд, предложил второй. Я покачала головой. Не хотела добавлять к дороге ещё одну близость только потому, что она легко помещалась между двумя сиденьями.

«Тихий двор» оказался именно двором: несколько светлых двухэтажных корпусов вокруг старой шелковицы. Под ней стояли столы, увитая зеленью ограда отделяла территорию от улицы. Море отсюда не было видно, зато его чувствовали по воздуху, который шевелил полотенца на балконах.

Маша вышла навстречу первой. На ней были шорты и футболка с пятном от чего-то оранжевого. Она бросилась меня обнимать, потом отстранилась и посмотрела на Артёма.

— Привет. Я Маша.

— Артём. Очень приятно.

— Мы тебя уже по фотографии знаем. Только ты там серьёзнее.

— Меня снимали против солнца. Я старался не спорить.

Она рассмеялась и сразу заговорила про дорогу, номера, ближайший пляж. Кирилл появился из-под дерева с бутылкой воды и двумя стаканами. Поздоровался, поставил всё на стол и взял Машу за локоть, чтобы она не стояла на солнце.

— Дайте людям заселиться, — сказал он.

— Да, конечно. Я просто... Оль, мы так рады.

Мама спустилась по лестнице, на ходу застёгивая браслет. Папа шёл следом с тарелкой нарезанной дыни.

Я почувствовала, как выпрямляется спина и лицо само принимает выражение, которое я приготовила ещё в Москве. Артём стоял рядом, но не обнял меня без предупреждения и не начал изображать особенную нежность. Поздоровался с родителями, назвав обоих по имени и отчеству после представления, и взял у папы тарелку, когда тот потянулся освободить стул.

— Поставлю сюда?

— Да, спасибо. А то я, как всегда, начал не с того конца.

— Виктор, они сначала документы оформят, — сказала мама.

— Дыня не мешает документам.

Артём поставил тарелку в тень. Я поймала себя на том, что жду от него реплики, которая всех очарует. Он просто подвинул ещё один стул, чтобы папе было где сесть.

Заселение прошло быстро. Мы поднялись в апартаменты, проверили комнаты. Кухня была маленькой, со столом у балконной двери. Из гостиной можно было выйти на общий открытый проход, но спальни оставались изолированными. В правой стояла узкая тумбочка и висели светлые шторы, в левой был стол, куда удобно положить ноутбук.

— Мне всё равно, — сказал Артём. — Выбирай.

Я выбрала комнату со столом. Он кивнул и поставил сумку в другую. Дверь за собой не закрыл, но внутрь меня не приглашал. Я тоже занялась вещами. Впервые с начала нашей затеи у каждого появилась собственная дверь.

На кухне мы встретились через полчаса. Я уже переоделась, Артём умылся и сменил рубашку на футболку. Пахло водой и нагретыми шторами.

— Устал? — спросила я.

— Немного. Если есть час до ужина, я полежу.

— Есть. Я предупрежу.

Он посмотрел с благодарностью, которую трудно было спутать с ролью, потому что в ней не было ничего красивого: просто человек хотел лечь.

Я написала в семейный чат, что выйдем к семи, и выключила звук. Потом сама легла на кровать поверх покрывала. Ни одну вещь из чемодана не успела разложить до конца.

За ужином мама спросила про театр. Я напряглась, но Артём рассказал ровно то, что говорил мне: спектакли, занятия, отдельный проект с коллегами. На вопрос, можно ли его увидеть по телевизору, ответил, что надёжнее прийти в театр.

— Это нам вполне подходит, — сказал папа. — Я по телевизору всё равно никого вовремя не узнаю.

Мама положила себе помидор и некоторое время разрезала его на совсем маленькие кусочки.

— А театр вас так надолго отпустил? Летом же, наверное, гастроли.

— В эти дни у меня нет спектаклей. Мы заранее сверили.

— То есть вы можете выбирать?

— Иногда. Не всегда.

Я потянулась за кувшином, хотя стакан был полон. Мне хотелось добавить, что у него есть планы, что он занятой и уважаемый человек, что двенадцать свободных дней ничего не доказывают. Но Артём сам взял кусок хлеба и продолжил:

— Если работа появляется позже, бывает жалко. Зато если ждать её всё время, никуда не уедешь.

— Это верно, — неожиданно сказала мама. — Я в прошлом году весь август ждала мастера. Он всё обещал завтра. Так мы даже к Лене в гости не выбрались.

— Потому что ему открывать должна была именно ты, — заметил папа.

— А ты бы не стал показывать, где капает.

— Я бы поставил ведро под место, где капает. Наглядно.

Кирилл засмеялся. Маша облокотилась на его плечо, и он перестал есть, чтобы ей было удобнее. Мне показалось, что я увидела что-то очень личное, хотя никто ничего не скрывал.

На телефон мамы пришло сообщение. Она открыла его, поморщилась, потом рассмеялась сама.

— Наша танцевальная группа, — объяснила она. — Девочки спорят, в каких юбках выступать осенью. Мы ещё ни разу вместе не закончили танец, а юбки уже неделю выбираем.

— Начало у вас получается, — сказал папа.

— Ты видел только запись с первой репетиции.

— Ты только её и показывала.

Мама убрала телефон и рассказала Маше, что преподавательница хочет поставить их ближе к началу программы. Артём слушал, ел, один раз спросил, сколько человек в группе. Не вызвался помочь, не стал немедленно вспоминать знакомого хореографа. Мама всё равно оживилась. Я поняла, что ей, возможно, нравилось просто рассказывать о своём, не проверяя в это время ничьё будущее.

Когда разговор перешёл на завтрашний день, Артём сказал, что после обеда ему понадобится несколько часов для работы. Я приготовилась объяснять, но мама только кивнула.

— Конечно. Мы сами тоже не всё время вместе. Виктор, например, собирается на рынок за рыбой и почему-то считает это культурной программой.

— Рыба часть культуры, — сказал папа.

— Я с вами, — отозвался Кирилл. — Если рано не вставать.

Получилось без всякой моей помощи. Я поставила кувшин обратно.

Маша спросила, где мы познакомились. Артём посмотрел на меня, давая начать, и я сказала про студию. Без собаки, холодного кофе и точного цвета куртки. Он добавил только, что я опоздала.

— Оля? — Маша удивилась. — Тогда это точно была судьба. Обычно она приходит раньше стульев.

Я засмеялась. Артём улыбнулся мне через стол, и на секунду я забыла, что здесь можно улыбаться за деньги.

Позже Маша догнала меня у лестницы. Мы остановились в стороне от остальных.

— Ты другая, — сказала она.

— Загореть ещё не успела.

— Я не про это. Ты смеёшься. Я давно тебя такой не видела.

Я хотела ответить шуткой, но не нашла безопасной.

Маша сжала мою руку.

— Я рада, что ты приехала не одна.

Из двора донёсся папин голос, потом негромкий ответ Артёма. Сестра отпустила меня и пошла к Кириллу, который собирал стаканы. Я постояла ещё немного, глядя на лестницу. Затем поднялась к двум нашим отдельным комнатам.

Глава 6. Почти как настоящие

На море я ушла одна. В половине восьмого за дверью Артёма было тихо, и я решила не стучать. Вчерашнее «можно» ещё не означало обещания встать вместе со мной.

До пляжа оказалось семь минут неспешным шагом. Я прошла мимо закрытой лавки с надувными кругами, обогнула дом, у которого сушились ковры, и вышла к воде. На берегу сидели несколько человек. Мужчина в панаме осторожно заходил в море, будто проверял его перед тем, как рекомендовать остальным.

Я оставила вещи на полотенце и вошла вслед за ним. Первые шаги были неприятными, потом вода стала своей. Я отплыла недалеко, перевернулась на спину и некоторое время смотрела в небо. Телефон лежал в сумке на берегу. Никто не мог спросить меня, где второй комплект документов.

Возвращаясь, я купила два ещё тёплых хлебца в маленькой пекарне. Только у ворот вспомнила, что завтрак у нас общий и кормить Артёма отдельно никто не поручал. Хлебцы всё равно пахли хорошо. Я решила оставить их на кухне.

Он уже встал. Сидел у балконной двери и что-то писал в тетради. Волосы с одной стороны примялись, на щеке остался след подушки. Увидев меня, он прикрыл страницу ладонью, потом, видимо, решил, что это глупо, и убрал руку.

— Доброе утро. Искупалась?

— Да. Ты спал, я не стала будить.

— Спасибо. Я всё-таки выдохся вчера.

— Там хорошо.

— Ещё успею.

Я положила пакет на стол. Он посмотрел на него, спросил, можно ли взять один хлебец. Я кивнула. Ни он, ни я не уточнили, зачем их было два.

На завтрак мы вышли вместе. Под шелковицей уже сидели мама с папой. Кирилл принёс чайник, Маша несла тарелки и одновременно пыталась придержать распущенные волосы. Из общей кухни для гостей пахло яичницей, кто-то искал соль. В «Тихом дворе» по утрам можно было заказать горячее и собрать остальное на длинной стойке. Семья быстро освоила систему и заняла половину стола.

— Вот они, — сказала мама. — Садитесь. Я вам места держала.

Свободные стулья стояли рядом. Я села, Артём отодвинул второй. Когда его рукав случайно задел моё плечо, я напряглась и сразу рассердилась на себя. Мы вчера весь день добирались вместе, а я реагировала на хлопчатобумажную ткань так, будто она нуждалась в отдельном согласовании.

Мама разливала чай.

— Артём, вам сахар?

— Ему без сахара, — сказала я прежде, чем он открыл рот.

Он посмотрел на сахарницу.

— Сегодня, пожалуй, положу.

— Ты же не пьёшь... — начала я и остановилась.

Мама держала ложку над чашкой. Маша потянулась за хлебом и тоже посмотрела на нас.

— После такого раннего подъёма я готов пересмотреть убеждения, — сказал Артём. — Одну ложку, спасибо.

Мама положила сахар. Чай разошёлся по чашкам, разговор вернулся к завтраку. Я взяла помидор и обнаружила, что режу его с той же сосредоточенностью, что мама вчера.

— Оль, а вы часто выбираетесь куда-нибудь вместе? — спросила Маша. — Или всё время работа?

— Выбираемся. Гуляем. Ужинаем.

— Она меня до кафе доводит, — добавил Артём, — а дальше я уже сам справляюсь.

Я улыбнулась, но услышала в себе тревожную потребность дополнить ответ чем-то убедительным.

— У нас даже есть любимое место. Небольшое, возле студии. Там зелёные стулья, и...

Он повернул голову ко мне. На секунду я снова оказалась в классе, где мы вычёркивали это кафе из истории.

— Там тебе нравится, — сказал он. — А я пока за то, где мы ели суп.

— Какой суп? — спросила мама.

— Самый обычный. Я в выборе мест человек довольно простой.

— Ольга тоже в детстве могла три дня подряд есть одно и то же, — сказала мама. — Пока не надоест совсем. Помнишь, как ты с гречкой?

— Мам, про гречку не надо.

— А что такого? Хорошо ела.

Папа тихо засмеялся. Кирилл попросил рассказать, но Маша сказала, что если начнут вспоминать, кто что ел в детстве, завтрак затянется до ужина. Она сама однажды неделю отказывалась от всех продуктов круглой формы. Я с благодарностью посмотрела на сестру.

Артём ел яичницу, не торопясь вмешиваться. Мне же казалось, что мы слишком мало похожи на влюблённых. Мы не касались друг друга, не обменивались понятными только нам взглядами. Правда, когда я думала об этом, как раз встретила с ним глазами, и взгляд получился весьма понятным: перестань стараться за двоих.

Я не знала, действительно ли он это имел в виду. Но перестала.

Папа рассказывал Кириллу о рынке, куда они собирались после завтрака. Мама искала в телефоне экскурсию по старой части города. Маша пыталась объяснить, что не хочет ехать на целый день в горы, пока у неё не подтверждена площадка для ужина.

— Мы сегодня туда съездим, — сказал Кирилл. — Вдвоём. Посмотрим и вернёмся.

— Я могу с вами, — автоматически предложила я.

— Не надо. У нас встреча с администратором, ничего сложного.

— Если вопросы по оплате...

— Оль, я же сама бронировала, — сказала Маша.

В её голосе не было обиды, но он оказался твёрже, чем я ожидала. Я кивнула и откусила хлеб.

Артём придвинул мне маслёнку. Я как раз собиралась за ней потянуться. Это было крошечное движение, сделанное без зрителей, хотя все сидели рядом. Я поблагодарила его и вдруг перестала думать, куда деть руки.

Мама выбрала экскурсию на завтра: прогулка по старому городу, смотровая площадка, небольшой музей. Без автобуса и раннего подъёма. Все согласились, и я записала время встречи. Затем отец спросил, кто будет кофе. Артём вызвался принести себе и мне, но прежде посмотрел на меня.

— Тебе брат?

— Да. Чёрный, без сахара.

— Теперь записал, — сказал он.

Я улыбнулась, на этот раз без проверки, правильно ли это выглядит.

Когда мы вернулись в апартаменты, Артём открыл окно на кухне и поставил стакан воды возле тетради. Я осталась стоять у стола.

— Про сахар я не знаю, зачем сказала.

— Решила, что знаешь.

— Да.

Он не стал перечислять остальные мои промахи. От этого было сложнее спрятаться за раздражением.

— И про кафе лишнее, — добавила я.

— Не страшно. Только в следующий раз не выбирай мне любимое место без меня.

— Я занервничала.

— Заметил.

Он прислонился к подоконнику. За окном во дворе звякала посуда, кто-то двигал стулья. Здесь, в кухне, мы говорили тихо, хотя никто не мог разобрать слов.

— Мне показалось, мы выглядим чужими, — сказала я.

— Потому что я ел яичницу?

— Потому что мы вообще не касались друг друга.

Он помолчал, потом кивнул.

— Я не знал, насколько тебе это удобно. Мы договорились, что можно спрашивать, но я не собираюсь весь завтрак проводить с опросом.

— Я тоже не хочу.

На бумаге это было проще. Прикосновения по взаимному согласию. Хорошая, правильная фраза. Она не сообщала, что я почувствую, если положу ладонь на его руку.

— Если я возьму тебя под руку на прогулке, нормально? — спросила я.

— Да.

— Или за руку, если будем сидеть рядом.

— Нормально. А тебе?

— Тоже. Только не хватай меня сзади за талию. Я не люблю, когда неожиданно.

— Не буду.

Он сказал это сразу, без вопроса почему. Я ощутила благодарность и одновременно неловкость, будто попросила слишком личное.

— За плечи можно, если я вижу, — добавила я. — И если мне неудобно, я скажу.

— Мне тоже можно сказать. Не надо держать до конца сцены.

— У нас нет сцен.

Он посмотрел на меня. Мы оба улыбнулись.

— Ну, хорошо, — сказала я. — Есть немного.

Я подошла ближе и протянула руку ладонью вверх. Не особенно изящно, скорее как человек, предлагающий посмотреть, не осталась ли заноза.

— Так?

Он положил свою руку в мою, не сжимая. Пальцы оказались длинными, на костяшке была маленькая старая царапина. Я почувствовала тепло его ладони и почему-то заметила, что он перестал опираться на подоконник. Просто выпрямился, оказавшись немного ближе.

— Так, — сказал он.

В этом не было ни объятия, ни признания. Тем не менее я вдруг очень ясно осознала, что мы одни в квартире, а между нашими комнатами всего несколько шагов.

Я отпустила руку.

— Понятно.

Он тоже отступил, взял стакан. Не пошутил о моей деловитости и не попытался повторить движение.

— После обеда я до пяти уйду, — сказал он. — Возьму текст, пройдусь. Потом с Верой созвонимся. Здесь у тебя будет тихо.

Я кивнула слишком быстро.

— Конечно.

Он посмотрел на часы.

— Вечером что у нас?

— Ужин с семьёй в семь. Больше ничего обязательного.

— Тогда до вечера.

К часу он собрался. Я проводила его до двери не потому, что собиралась, а потому, что ещё держала в руках полотенце с пляжа и по дороге решила повесить его на сушилку. Он надел кеды, проверил телефон и вышел. В сумке у него лежала тетрадь, в кармане — ключ от апартаментов.

После щелчка замка стало непривычно тихо. Утром я точно так же ушла одна. Теперь я стояла у сушилки и чувствовала себя женщиной, которую оставили среди дня без объяснения, хотя объяснение было, часы были, подпись под условиями тоже была моя.

Я повесила полотенце и зашла в комнату. Открыла ноутбук. В рабочей почте не оказалось ничего срочного, и это вызвало у меня почти обиду. Лена ответила клиенту, двое сотрудников согласовали между собой доставку, Андрей Сергеевич попросил сводку у неё, а не у меня. Всё функционировало.

Я могла найти ошибку, если бы захотела достаточно сильно. Вместо этого закрыла крышку.

Мама прислала сообщение: они с папой отдыхали, на прогулку не пойдут до вечера. Маша с Кириллом ещё были на площадке. Я написала Жене: «Доехали». Она ответила, что рада, и прислала фотографию своего обеда. Спросить у неё, всегда ли Артём такой самостоятельный, было бы особенно нелепо.

Я достала книгу, которую везла читать. Открыла на первой странице. Через десять минут обнаружила, что перечитываю один и тот же абзац, прислушиваясь к шагам в проходе.

Потом Маша прислала видео с площадки. Она шла по деревянному настилу, снимала столы, ещё сложенные у стены, и говорила гораздо быстрее, чем двигалась. В кадр попала рука Кирилла: он показывал, где вечером включают гирлянды.

«Смотри, тут мы будем сидеть. А вот здесь танцевать. Не обращай внимания на ящики, их уберут».

За краем террасы виднелось море. Я остановила видео и увеличила изображение. До воды было не так близко, как казалось, между ними лежала полоса сада. Возле дорожки росли низкие кусты с мелкими цветами. Даже без украшений место выглядело живым.

Я хотела написать про ширину прохода между столами. Потом включила ролик ещё раз и досмотрела до конца. Маша повернула камеру на себя. У неё блестел нос, волосы прилипли ко лбу, она улыбалась во весь рот. Кирилл, не попав целиком в кадр, наклонился и поцеловал её в висок. Она даже не сбилась с объяснения, где будут стоять колонки.

«Маш, очень красиво. И тебе идёт быть счастливой».

Я отправила, не перечитывая. Сестра ответила голосовым:

— Спасибо. Я так волновалась, что на фотографиях всё окажется лучше, чем в жизни. А тут лучше в жизни. Представляешь?

Я представила. И неожиданно для себя перестала на несколько минут думать о том, что Артём сейчас где-то без меня. У сестры было место, которое ей нравилось, человек рядом и предстоящий день, которого она ждала. Мне хотелось, чтобы всё получилось.

Про проход я всё-таки спросила следом. Маша прислала короткое «Проверили» и фотографию Кирилла между двумя столами с широко расставленными руками. Я сохранила её. Может быть, для будущего семейного альбома.

Тогда я переоделась и вышла сама.

У пекарни уже не было утренних хлебцев. Женщина за прилавком предложила пирог с абрикосами. Я взяла кусок, стакан холодного чая и села на скамью в маленьком сквере. Отсюда не было видно моря, зато росли деревья, между которыми ветер наконец переставал быть горячим. Пожилая пара спорила, где они вчера свернули. Мужчина уверенно показывал в одну сторону, женщина так же уверенно — в другую. Потом они пошли в третью.

Я достала книгу. На этот раз прочитала несколько страниц, потом ещё. Пирог оказался кислым возле кожицы и очень сладким там, где сок впитался в тесто. Я съела его до конца, не оставив красивого края для фотографии.

Артём написал без десяти пять: «Возвращаюсь. Нужно что-нибудь купить?»

Я посмотрела на сообщение и ощутила несоразмерное облегчение.

«Вода заканчивается. Я тоже сейчас приду».

Он ответил, что возьмёт. Я убрала книгу в сумку и пошла обратно медленно, не пытаясь прийти первой.

На кухне он уже ставил бутылки в холодильник. Футболка на спине потемнела от жары, волосы были влажными у висков.

— Как день? — спросил он.

— Хорошо. Нашла тихий сквер и пирог.

— Важные открытия.

— А у тебя?

— Нашёл место, где удобно учить текст. Потом пришёл мужчина с колонкой и показал, что я ошибся.

Я рассмеялась. Он улыбнулся и спросил, где сквер. Я объяснила, не предложив немедленно пойти туда вместе. Мне нравилось, что у меня уже было в этом городе что-то, чего он ещё не видел.

Перед ужином мы спустились во двор. На последней ступеньке я взяла его под руку. Он не посмотрел удивлённо, только чуть согнул локоть, чтобы мне было удобнее.

Мама махнула нам от стола. Я шла к ней, чувствуя под пальцами ткань его рукава. И уже не могла решить, какая часть этого движения была нужна ей, а какая — мне.

Глава 7. Прогулка по чужому плану

На экскурсию я взяла воду, салфетки, пластырь, запасную резинку для волос и маленький зонт, который мама утром сочла лишним. Зонт всё равно оказался у меня, потому что в моей сумке оставалось место. В маминой — нет.

Артём посмотрел, как я застёгиваю молнию.

— Мы далеко идём?

— Не очень. Но мама забывает пить воду, Маша в новых сандалиях, папа обычно...

Я остановилась, заметив его лицо.

— Что?

— У папы хотя бы есть право удивить нас.

Папа удивил уже у ворот: вышел с небольшим рюкзаком, в котором лежали его вода, очки, панама и упаковка печенья. Я заглянула внутрь, когда он доставал телефон, и почувствовала себя человеком, который слишком долго руководил несуществующей чрезвычайной ситуацией.

Экскурсовод ждала возле старой почты. Кроме нас пришла пара из другого отеля, молчаливый мужчина и женщина с фотоаппаратом. Они сразу договорились с ней, что уйдут до музея. Никто не осудил их решение. Я отметила это с непонятным удивлением.

У почты стоял стенд с картой. Артём задержался возле него.

— Смотри.

Надпись «Вы здесь» сохранилась, но красная точка под ней отвалилась. Остался только бледный круг клея.

— Очень точная карта, — сказал он. — Присутствие подтверждено, местоположение уточняется.

Я засмеялась и потянула его за рукав: группа уже тронулась.

Мы пошли по узкой улице, где балконы почти сходились над головой. За решётками окон стояли горшки с цветами, на одной двери висела бумажка «Стучите громче». Экскурсовод рассказывала о людях, которые жили здесь раньше, показывала старые ставни, сравнивала дом с фотографией в папке. Мне хотелось слушать. Вместо этого я наблюдала, не отстала ли мама, слышно ли папе и не слишком ли близко Маша идёт к проезжей части.

— Оля, ты фотографируй, я тебя сниму потом, — сказала мама.

— Да, сейчас.

Я подняла телефон, но в этот момент ей понадобились очки. Они лежали в моём боковом кармане: она отдала их, пока поправляла шляпу. Я достала футляр. Потом передала Маше резинку. Потом увидела, что Артём остался у витрины маленькой мастерской, и помахала ему, чтобы шёл быстрее.

Он подошёл.

— Не потерялся.

— Я знаю.

— Просто там человек лодку чинит. Интересно.

За стеклом действительно стояла деревянная модель. Пожилой мастер сидел, склонившись над маленькой мачтой, и держал что-то пинцетом. Я уже собиралась предложить вернуться позже, но экскурсовод позвала нас к следующему дому.

Мы пошли.

Через полчаса мама попросила зонт. Солнце поднялось выше, тень стала узкой, а её шляпа, купленная для моря, пропускала свет через плетение. Я раскрыла зонт и передала ей. Маша спросила, где после экскурсии можно пообедать. Я открыла сохранённый список кафе, не дослушав рассказ о дворе с колодцем.

— Потом выберем, — сказал Кирилл. — Не обязательно сейчас.

— У вас встреча по свадьбе не перенеслась?

— Нет. Мы же вчера всё решили.

Я кивнула и закрыла телефон. Артём шёл рядом. Ни разу не попросил у меня ничего, и это было почти подозрительно.

На смотровую площадку вели ступени, невысокие, но многочисленные. Мама решила посчитать их и сбилась на середине, потому что папа вставил своё число. Они поспорили, рассмеялись и поднялись последними. Я ждала наверху с водой, как ответственный сотрудник пункта помощи, хотя никто не выглядел пострадавшим.

Море было видно между крышами. Серое с одной стороны, яркое с другой, оно менялось, когда облако сдвигалось на несколько метров. Экскурсовод дала нам время осмотреться. Все разошлись к ограде. Маша обняла Кирилла за пояс, он наклонился к ней, и я сразу подняла телефон.

— Подождите. Хорошо стоите.

Они послушно замерли. Я сделала снимок, второй, третий. На третьем Маша начала смеяться, потому что Кирилл сказал ей что-то на ухо. Я сняла и это, потом отправила сестре.

— Теперь вас, — предложила она.

— Не надо.

— Почему? Иди к Артёму.

Он стоял у другого края площадки, рассматривая крыши. Услышав своё имя, повернулся. Я подошла, оставив между нами слишком много пространства для людей, которые недавно решили пожениться.

Артём чуть поднял руку.

— Можно?

Я кивнула. Он положил ладонь мне на плечо. Я знала, что он сделает, и всё равно несколько секунд не могла смотреть в камеру. Его рука лежала легко, не притягивала и не удерживала. Я сама шагнула ближе.

— Не смотрите так официально, — попросила Маша. — Я вас не на доску почёта снимаю.

— Слишком поздно, — сказал Артём. — Я уже выбрал трудовые достижения.

Я рассмеялась, и сестра нажала кнопку.

Он убрал руку, когда Маша опустила телефон. Плечо какое-то время помнило её вес. Я взяла сумку, проверила, все ли вещи на месте, и только после этого ещё раз посмотрела на море.

Экскурсовод сказала, что теперь желающие пойдут в музей, а остальные могут закончить прогулку на площади. Папа с мамой хотели идти. Маша с Кириллом тоже: там обещали старые фотографии города, которые заинтересовали Кирилла.

Я мысленно открыла следующую страницу дня. Музей, потом обед, вернуться в отель, проверить сообщения, уточнить завтрашнее время встречи по свадебной речи.

— Ты хочешь в музей? — тихо спросил Артём.

— Все идут.

— Я спросил про тебя.

Мне захотелось ответить автоматически. Музей был маленький, недорогой, поблизости. Хорошая культурная программа. Мама её выбрала. Отказ выглядел капризом человека, которому и так всё устроили.

— Не знаю, — сказала я.

— Я бы сейчас посидел. Или вернулся к лодке.

— У тебя с часа свободное время.

— Сейчас одиннадцать сорок. Я могу ещё час с лишним постоять торжественно рядом, но предлагаю уйти раньше.

Он сказал это вполголоса, и я не могла отделаться от мысли, что он только что предложил мне сбежать с урока.

— А они?

— Пойдут в музей.

Простота ответа рассердила меня ровно на секунду. Потом я посмотрела на отца, который спорил с экскурсоводом, какая крыша видна на старой фотографии. Он был занят и счастлив. Мама успела познакомиться с женщиной с фотоаппаратом. Маша показывала Кириллу наши снимки. Без меня ничего не распадалось.

Я подошла к ним и сказала, что мы с Артёмом погуляем отдельно, а к ужину увидимся.

— Устала? — спросила мама.

— Немного. Хочу посидеть.

— Конечно. Только зонт я пока оставлю себе.

Воду я отдала папе, очки маме. Сумка неожиданно стала лёгкой.

— Мы тебе потом расскажем, — сказала Маша. — И фотки пришлю.

Никто не потребовал объяснить, чем именно заслужен мой выход из программы. Я попрощалась с экскурсоводом, и мы свернули с площади в боковую улицу.

Минуту шли молча.

— К лодке? — спросила я.

— Если хочешь.

Я хотела. Мы вернулись к мастерской, но дверь уже была закрыта на перерыв. Лодка стояла за стеклом, мачта лежала рядом. Я ожидала, что Артём расстроится. Он просто заглянул в окно, посмотрел на часы и сказал:

— Значит, в другой раз.

— Можно подождать.

— Не хочу ждать. Хочу есть.

Это было настолько бесхитростно, что я засмеялась.

Мы нашли маленькое кафе с тремя столиками во дворе. У входа висела доска с блюдами, но половину надписей стёрли, а новые ещё не успели написать. Хозяйка сказала, что есть пирог с сыром, суп и салат. Артём выбрал суп. Я посмотрела на него, он на меня.

— Теперь понимаешь мою систему? — спросил он.

— Начинаю подозревать, что она настоящая.

Я взяла салат и кусок пирога. Мы сели у стены, где было прохладнее. На столе стояла жестяная банка с бумажными салфетками, над ней болталась ветка винограда. Я положила телефон экраном вниз и впервые за утро не захотела его перевернуть.

— Показать фотографию? — спросил Артём.

Маша уже отправила снимки ему тоже, в общий семейный чат. Я не заметила, когда его добавили, но вспомнила, что вчера за ужином Кирилл предложил сделать отдельную группу для поездки.

На фотографии мы стояли у ограды. У меня были прищурены глаза, голова чуть запрокинута от смеха. Артём смотрел не в камеру, а на меня. Я задержалась на этом дольше, чем следовало.

— Удачно, — сказала я.

— Да.

— Можешь прислать оригинал?

— Он у тебя в чате.

— Точно.

Я взяла стакан. Артём не прокомментировал мою забывчивость.

Пока ждали еду, он рассказал, что в детстве собирал модели кораблей, но ни одну не довёл до конца. На последнем всегда не хватало терпения натянуть нитки между мачтами. Я

призналась, что любила собирать мебель по инструкции и однажды переделала шкаф, потому что лишний винт не давал мне покоя.

— Он оказался запасным? — спросил Артём.

— Да.

Он наклонился вперёд, положив локти на стол, и засмеялся. Я тоже. Стыдно было не за шкаф, а за то, как серьёзно я вспоминала его много лет.

— А ты не мог просто оставить корабль без ниток? — спросила я.

— Мог. Оставлял. Потом ставил на полку и всем говорил, что ещё не закончено.

— Ты сейчас тоже что-нибудь так держишь?

Он открыл рот, словно собирался ответить быстро, но в этот момент принесли суп. Он поблагодарил, подвинул тарелку и сказал:

— Наверное, да. Надо дома посмотреть.

Я не стала возвращать вопрос. Мне нравилось сидеть с ним в тени, и я не хотела превращать удовольствие в добычу важной информации.

— А вот фильм в твоём рассказе был настоящий? — спросил он после нескольких минут молчания.

— Какой рассказ?

— Про собаку, кофе и мои воспоминания о твоих глазах. Там мы о чём-то спорили возле метро.

— Фильм настоящий. Спор придумала.

— Жалко. Мне было любопытно, что я отстаивал.

Я назвала старую комедию, которую любила с детства. Он её видел, но совершенно не помнил финала. Я объяснила, он попытался восстановить остальных героев и перепутал двух. Пришлось рассказывать почти с начала. Поначалу я говорила сдержанно, потом увлеклась и заметила, что показываю руками, как человек прятался за дверью.

— Подожди, — сказал Артём. — Но если он там спрятался, то кто вошёл из коридора?

— Другой. Я же сказала, другой.

— С таким же именем?

— Нет. Это я ошиблась.

Он опустил голову, пытаясь не засмеяться с полным ртом. Я замолчала, затем мы оба начали смеяться, и хозяйка посмотрела на нас из двери. Артём показал ей, что всё хорошо, просто суп сегодня сопровождался сложной драматургией.

— Ладно, — сказала я. — Посмотри сам. Я тебе сейчас весь фильм испорчу.

— Уже хочу. Хотя, может, в твоём пересказе лучше.

— Нет. В моём одна и та же фамилия у всех.

Он положил ложку, отодвинул пустую тарелку и попросил прислать название. Я отправила. В переписке оно оказалось прямо под обсуждением расписания и места встречи в аэропорту. Мне понравилось это соседство.

— А ты что смотришь, когда отдыхаешь? — спросила я.

— Иногда ничего. У меня бывает вечер, когда не хочется ни чужих голосов, ни сюжета.

— Совсем?

— Музыку включаю. Готовлю. Возиться с едой умею не особенно, зато никто не требует правильной интонации от картошки.

— И что получается?

— Три блюда надёжно. Остальное зависит от того, как прочёл рецепт.

— Ты тоже сначала читаешь только половину?

Он посмотрел на меня с уважением.

— Это было болезненно точно.

Я рассказала про свой первый пирог, в котором разрыхлитель обнаружился уже после духовки. Я не забыла его купить: пакет лежал рядом, аккуратно отложенный. Просто решила, что хорошо всё помню. Артём спросил, можно ли было использовать пирог как основание для дома. Я сказала, что одному человеку удалось съесть два куска, и не уточнила, что это был папа.

Пока мы говорили, он переставил свою сумку с соседнего стула на землю, освобождая место для моей. Я подняла её с колен и положила рядом. Еда давно закончилась, а мы никуда не торопились. Мне впервые захотелось, чтобы он рассказал какую-нибудь такую же неважную историю ещё.

После еды каждый заплатил за себя. Я потянулась было ко всему счёту по привычке, но Артём уже протянул свою карту. Этот обед мы выбрали сами, в список семейных мероприятий он не входил. Я убрала кошелек после своей части и не почувствовала, что между нами возникла неловкость.

На обратном пути мы снова вышли к стенду у почты. Красной точки по-прежнему не было.

— Выяснили, где мы? — спросил Артём.

— Нет. Но обед подтверждён.

Он улыбнулся.

— Уже достаточно.

Я сфотографировала карту, приблизила пустое место под надписью и отправила ему. Он ответил прямо рядом со мной: «Местоположение уточняется».

Это было глупо и очень приятно. Ни маме, ни сестре такая переписка не понадобилась бы.

У отеля мы разошлись. Он взял из комнаты тетрадь и ушёл на своё время, я поднялась к себе. На этот раз пустая кухня меня не обидела. Я знала, чем мы занимались до неё, и не нуждалась в том, чтобы немедленно закрепить удачное утро новым планом.

Вечером мама попросила помочь застегнуть тонкую цепочку. Мы стояли в её комнате перед зеркалом. Папа уже ушёл во двор, и несколько минут были только наши.

— Хороший у тебя Артём, — сказала она.

Я никак не могла попасть застёжкой в маленькое колечко.

— Ты его два дня знаешь.

— Иногда и за два дня кое-что видно. Спокойный. Не тянет всё на себя. И с тобой считается.

Я застегнула цепочку. Мама поправила кулон, повернулась ко мне.

— Я, конечно, за тебя переживала. С Денисом у вас всё как-то... Ты всегда была такая собранная. А сейчас можно выдохнуть.

— Мам...

— Я не лезу. Просто рада.

Она погладила меня по руке. Её радость была тёплой, бесхитростной, и потому ответить стало ещё труднее.

— Пойдём, — сказала я. — Нас ждут.

Во дворе Артём слушал папу, рядом Маша с Кириллом разглядывали фотографии из музея. Увидев меня, он чуть подвинул стул, оставляя место. Я села. На телефоне всё ещё была открыта фотография карты, и я быстро погасила экран.

Местоположение больше не казалось смешным вопросом. Я прекрасно знала, где находилась: за семейным столом, рядом с человеком, которому заплатила, чтобы мама могла наконец выдохнуть.

Глава 8. Что умеет человек

Маша пришла к нам с тремя распечатанными листами и выражением лица, с которым обычно сообщала о неприятностях.

— Это всего на пять минут, — сказала она.

Артём посмотрел на листы.

— Ты проверяла?

— Читала про себя. Получается нормально.

— А вслух?

— Вслух получается, что лучше всем просто поесть.

За её спиной стоял Кирилл с бутылкой воды. Он не выглядел готовым возразить.

Накануне за ужином сестра попросила Артёма послушать их речи для свадьбы. Никакого особого номера они не готовили: хотели сказать несколько слов друг другу и гостям. Но Маша, которая без запинки обсуждала смету с администратором площадки, начинала волноваться, едва представляла знакомые лица за столами. Кирилл уверял, что обойдётся без бумаги. Потом попробовал при ней и потерял мысль на втором предложении.

Артём предложил встретиться утром, пока не жарко. Теперь мы вышли во двор, отодвинули пару стульев от общего стола и устроились в тени. Мама хотела присоединиться, но Маша попросила сначала без родителей.

— Конечно, — сказала мама. — Я ничего не говорю.

И ушла, довольно громко объясняя папе, что им пока не разрешили слушать собственных детей. Через минуту они оба вышли за ворота, собираясь купить фрукты. Маша проследила за ними взглядом и с облегчением положила листы на стол.

— Давайте сначала просто прочтём, — сказал Артём. — Не выступим. Я послушаю, потом попробуем ещё раз.

Сестра встала, выпрямила спину и начала голосом, которого я от неё никогда не слышала. Он был выше обычного, слова теснились, окончания исчезали. На третьей строке она набрала воздуха и неожиданно ускорила ещё сильнее.

Я потянулась к телефону, чтобы засечь время. Потом посмотрела на её руки и убрала его обратно. Листы заметно дрожали.

Артём не остановил её сразу. Дал закончить абзац.

— Спасибо. Сейчас сядь.

— Плохо?

— Сейчас ты прочла так, чтобы поскорее закончить. Это понятно. Давай попробуем сказать Кириллу первую мысль без листа.

— Я забуду.

— Не весь текст. Одну мысль.

Маша опустила на стул. Кирилл повернулся к ней. Она посмотрела на него и внезапно улыбнулась совсем по-другому, почти виновато.

— Я хотела сказать, что с тобой мне хорошо даже когда мы едем не туда.

— Мы тогда ехали туда, — немедленно ответил Кирилл. — Просто с другой стороны.

Она засмеялась.

— Видишь? Вот про это я и хотела.

— Уже слышал, — сказал Артём. — А теперь ещё раз, не объясняя нам, почему это смешно. Кирилл знает.

Маша повторила. На этот раз без праздничного голоса. Сделала паузу, посмотрела на жениха и добавила, что прежде всегда злилась, когда планы менялись, а с ним иногда получалось не портить себе весь день. Кирилл перестал улыбаться и внимательнее посмотрел на неё.

Я почувствовала неловкость свидетеля. Мы сидели в обычном дворе, в шортах, рядом сушились пляжные полотенца, а сестра вдруг говорила человеку то, что имело значение только между ними.

— Так можно? — спросила она.

— Можно, — ответил Артём. — Ты сама слышишь разницу?

Она кивнула.

Мы ещё раз посмотрели текст. Артём не вычёркивал за неё слова. Спрашивал, что она хочет ими сказать, и Маша сама сокращала предложения, которые в документе выглядели красивыми, но во рту не помещались.

— Здесь я хотела всех поблагодарить, — сказала она, водя ручкой по строкам. — Но получилось как выступление на собрании.

— Кого именно?

— Родителей. Олю. Друзей, которые приедут.

— Тогда представь их за столом. Не гостей вообще, а этих людей.

Она попробовала. На моём имени запнулась и рассмеялась.

— Оля сейчас поправит, что именно для нас сделала.

— Не поправлю, — сказала я.

— Ты уже вдохнула.

Кирилл закашлялся, пряча смех, Артём опустил глаза. Я тоже засмеялась. Сестра была права: я действительно собиралась сообщить, что с бронированием помогала не я, а она сама. Даже благодарность у меня нуждалась в проверке на точность.

Кирилл вышел к пустому стулу, изображавшему гостей. Руки он сначала сунул в карманы, потом вынул и сцепил за спиной. Начал с «дорогие все», остановился и посмотрел на Машу.

— Я так не говорю.

— Не говори, — сказал Артём.

— А как начать?

— С того, что хотел им сообщить.

Кирилл помолчал.

— Я рад, что вы приехали.

— Хорошо.

— И что Маша согласилась.

— На свадьбу или на мой приезд? — спросила я.

— Вообще, — сказал Кирилл и улыбнулся. — Я сейчас уточню.

У него оказался совершенно другой затруднительный способ говорить: он начинал нормально, а потом тихо проглатывал конец фразы, словно уже сомневался в её праве существовать. Артём попросил его не добавлять громкости, а представить, что он обращается к человеку на другом конце стола. Сам сел дальше, возле ограды.

— Мне говори. Я не против.

Кирилл повторил. Артём поднял ладонь, когда перестал слышать.

— Конец потерялся. Начни с последних четырёх слов.

Те прозвучали отдельно и довольно нелепо. Все улыбнулись, Кирилл тоже. Потом он сказал целое предложение, и на этот раз я услышала его до конца.

— Вот, — сказал Артём. — Запомни, как сейчас было. Не обязательно красивее.

Я смотрела, как он работает, и замечала вещи, которых не увидела бы за праздничным столом. Он менял расстояние, давал конкретное маленькое задание, слушал не текст вообще, а место, где человек переставал дышать или спешил закончить. Иногда сам пробовал одну фразу, но не присваивал её. Сразу возвращал Маше или Кириллу.

В какой-то момент сестра сказала:

— Ты так можешь, потому что у тебя голос хороший.

— У меня привычка, — ответил он. — Голос у тебя тоже есть. Я вчера через весь двор слышал, что Кирилл забыл полотенце.

— Он действительно забыл.

— Вот там ты не сомневалась, что имеешь право договорить.

Маша рассмеялась, но следующую попытку сделала увереннее. Не громче. Просто перестала улыбаться там, где ей самой было не смешно.

Я ловила себя на том, что смотрю не на неё, а на Артёма. На то, как он наклоняет голову, прислушиваясь; как ждёт, не подсказывая раньше времени; как перестаёт улыбаться, когда Кирилл говорит что-то важное. Его работа не состояла в том, чтобы легко нравиться. В ней было много терпения, и это почему-то привлекало меня сильнее, чем его удачные реплики.

Минут через сорок он объявил перерыв.

— Дальше пока не надо. Иначе начнём повторять усталость.

Маша хотела ещё раз пройти весь текст, но потом сама отложила листы. Кирилл налил всем воды. Я сдвинула стулья в более глубокую тень.

— Можно я сниму следующий раз? — спросила я. — Чтобы вы сами посмотрели. Если не хотите, не буду.

Сестра задумалась, затем кивнула. Кирилл согласился, только попросил никуда не пересылать. Я пообещала.

После перерыва они говорили по очереди. Маша всё ещё заглядывала в лист, Кирилл один раз запнулся и начал предложение заново. Ничего идеального не случилось. Зато на записи было понятно, что они говорят друг другу, а не выговаривают заученный текст в ожидании освобождения.

Мы посмотрели кусок на моём телефоне. Сестра сначала закрыла лицо ладонью, потом раздвинула пальцы, чтобы видеть.

— Я странно двигаю головой.

— Ты так двигаешь всегда, — сказал Кирилл.

— Спасибо, очень помог.

— Мне нравится.

Она убрала руку. Артём дождался, пока они досмотрят, и предложил оставить на завтра только один короткий прогон самостоятельно. В день перед свадьбой можно будет проверить место и расстояние до гостей. Сегодня хватит.

— Спасибо, — сказала Маша. — Серьёзно. Я думала, придётся просто выкинуть речь.

— Не выкидывай. Там есть что сказать.

Она собрала листы и впервые за утро не попыталась спрятать их в сумку немедленно. Кирилл пожал Артёму руку. Потом они ушли вдвоём, обсуждая, какую часть оставят только для себя.

Я помогла вернуть стулья к столу. Артём потёр шею и запрокинул голову на несколько секунд. Выглядел уставшим.

— Ты хорошо это делаешь, — сказала я.

— Спасибо.

— Я не про голос.

Он повернулся ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.